Мег

Автор:
Стив Алтен

Мег

Стив Алтен

The Big BookМегалодон #1

В темной бездне океана сумел выжить мегалодон – гигантская акула, которую все считали вымершей. Исследовательские работы, проводимые в Марианской впадине, вынуждают страшного хищника выйти на поверхность. Монстр способен почувствовать свою жертву за несколько миль, он сметает и крушит все, что встречается ему на пути, будь то человек, животное или судно…

Роман выдержан в лучших традициях жанра экшен, он вполне достойный соперник таких уже ставших классикой книг, как «Парк юрского периода» Майкла Крайтона и «Челюсти» Питера Бенчли.

В августе 2018 года кинокомпания «Warner Bros.» планирует выпустить по роману одноименный фильм, который снимает известный режиссер Джон Тёртелтауб («Сокровище нации», «Сокровище нации: Книга тайн», «Ученик чародея»). Главную роль исполнит Джейсон Стэйтем («Карты, деньги, два ствола», «Ограбление по-итальянски»).

Мы предлагаем читателям новый перевод переработанной и дополненной автором версии романа.

Стив Алтен

Мег

Steve Alten

MEG, REVISED AND EXPANDED EDITION

Серия «The Big Book»

Copyright © 2016 by Alten Entertainment of Boca Raton, Inc.

All rights reserved

© О. Александрова, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА

* * *

Посвящается моему отцу ЛОРЕНСУ АЛТЕНУ:

мир еще не знал добрее души…

и

УЭЙДУ МАЛЛЕРУ,

нашему общему другу, так рано нас оставившему

Это художественное произведение. Имена, персонажи, места действия и события являются плодом воображения автора и не должны рассматриваться как реальные. Любое сходство с реальными событиями, районами, организациями или лицами, живыми или мертвыми, является чисто случайным.

Истоки

Пролог

На борту корабля королевских ВМС «Челленджер»

Филиппинское море

5 октября 1874 года

Капитан Джордж Нэрс стоял, напружинив колени, на уходящей из-под ног орудийной палубе: разыгравшийся Тихий океан стискивал его вместе с командой в безжалостных объятиях ярящихся волн. Перекатывающиеся гребни вздымали ввысь нос британского военного корабля, обитый медью киль трещал под напором бурных вод. За прошедшие семьсот дней шипение соленых брызг и неистовое хлопанье парусов на всех трех мачтах корабля стали для шотландского морского волка чем-то вроде привычной мантры. Несмотря на опасность, капитан предпочитал водную стихию пунктам назначения, куда для выполнения возложенной на него миссии ему приходилось заходить.

Джордж Нэрс понял, что этот рейс станет особенным, когда с флагманского корвета королевских ВМС в Австралии убрали все орудия, кроме двух, и часть переборок. Освободившиеся площади были преобразованы в лаборатории, оснащенные микроскопами, химическим оборудованием, бутылками для взятия проб воды и склянками со спиртом для консервации образцов – одним словом, отнюдь не тем, что предпочел бы видеть на своем судне капитан. Кроме того, на главной палубе были размещены платформы с драгами. Платформы выступали наружу по бортам судна наподобие строительных лесов, с тем чтобы персонал мог работать, не боясь запутаться в оснастке. Драгированием руководили ученые – специалисты по взятию проб грунта и исследованию донных отложений. Для осуществления этой задачи необходимы были сети и контейнеры, прикрепленные к канатам, бухты пеньковых тросовых лотлиней длиной более 140 миль, а также 12,5 мили стального троса для промера глубин. Все это добро разматывалось и наматывалось с помощью лебедок – рутинная работа, занимающая бо?льшую часть времени.

Почетной миссией корабля королевских ВМС «Челленджер» была наука, 243 члена его экипажа уходили в море с целью новых открытий. Во время этого плавания судну за четыре года предстояло преодолеть 69 000 морских миль.

Капитан Нэрс, пользовавшийся непререкаемым авторитетом у членов экипажа, был человеком уравновешенным, и если его физические данные слегка подкачали, то природа с лихвой компенсировала это изрядной долей смекалки. И сейчас, стоя у грота, он с некоторой тревогой, смешанной с изумлением, смотрел, как бородатый профессор осторожно пробирается к нему по качающейся палубе.

– Профессор Мозли! Что там у нас происходит?

– Глубоководное траление и драгирование. Команда использует все более длинные лотлини, но на этом участке архипелага океан, похоже, вообще бездонный.

Капитан бросил взгляд в сторону правого борта. Вот уже несколько недель корабль шел мимо Марианских островов, холмистая поверхность которых была покрыта зеленым ковром джунглей.

– Надо же, а мне почему-то казалось, что вокруг островов довольно мелко.

– Сдается мне, эти вулканические острова окружают такие глубокие воды, каких нам доселе еще не приходилось встречать. Океанское ложе образовано древними отложениями, состоящими из окаменелостей и марганцевых отложений. Сегодня утром мы опустили лотлинь на триста пятьдесят морских саженей, и по-прежнему никаких признаков дна. Пришлось нарастить…

Но тут нос корабля снова взмыл вверх, затем резко ударился о волны, и капитану пришлось подхватить едва удержавшегося на ногах ученого мужа.

– Ну и когда будет готов новый трос?

– Насколько мне известно, через двадцать минут.

– Отлично. Право руля! Мистер Лаутербах, убрать паруса! Приготовить паровой двигатель!

– Есть, капитан!

Первый офицер ударил в судовой колокол, этот сигнал мобилизовал две дюжины моряков. «Челленджер» накренился на правый борт, чтобы поймать ветер в ложбине между волнами.

Дождавшись, когда ученый благополучно спустится в трюм, капитан Нэрс снова обратил взор на бурные воды Тихого океана.

Триста пятьдесят морских саженей… более шести километров. Насколько глубоким может оказаться здесь океан? И какие неизвестные формы жизни он способен в себе таить?

Чрево океана, омывающего этот странный архипелаг, наверняка содержит ключи к разгадке: начиная с окаменелых позвонков китообразных и ушных костей кита и кончая тысячами акульих зубов, из которых добрая сотня, покрытая толстым слоем марганцевых осадков, была размером с человеческую ладонь. Мозли идентифицировал их как принадлежащие роду белых акул Carcharodon, а зубы длиной более четырех сантиметров – виду Megalodon, доисторическому морскому чудовищу.

Впечатляющий размер акульих зубов породил горячие ночные споры на камбузе по поводу того, сохранились ли эти существа до нашего времени. Темно-серые, почти свинцовые, зазубренные треугольники были слишком окаменелыми, а потому ничего наверняка не подтверждали, и только белый образец мог служить веским доказательством существования мегалодона. Профессор Мозли, со своей стороны, тщательно исследовал каждый улов в надежде найти среди обломков сокровище цвета слоновой кости, но его старания пока не увенчались успехом.

– Капитан, некоторые окаменелости не такие уж древние, – предыдущим вечером заявил профессор, приканчивая третий бокал бренди. – Все свидетельствует о том, что здесь по-прежнему могут обитать подобные существа, но только на бо?льших глубинах.

– А какого размера могут быть эти ваши мегаакулы?

– Обычно метров тринадцать, однако данные фрагменты говорят мне совсем о другом. Я держал в руке восемнадцатисантиметровый зуб, а значит, от морды до хвоста его обладателя должно быть не меньше двадцати метров.

– Боже милостивый! Это больше половины длины «Челленджера». Существо такого размера… Нет, нам явно нужно судно побольше. А вообще довелось ли хоть кому-нибудь видеть подобных монстров?

– Ходили разные слухи. В основном среди китобоев. Ведь кровь в море привлекает акул.

– Привлекает? Но как?

– Неизвестно. Возможно, они различают вкус крови. Впрочем, акулы не моя специальность, а вот дьявол вроде мегалодона… Должен признаться, капитан, всякий раз, как мы вытаскиваем сети, я ловлю себя на том, что вглядываюсь в поверхность моря, в глубине души надеясь, что своими действиями мы выманим одного из этих монстров из глубины. Ведь только так я могу получить возможность воочию увидеть это гигантское животное – самое страшное творение природы на Земле.

Капитан Нэрс смотрел на волны в белых лохмотьях пены, пытаясь представить себе акулу, способную одним махом проглотить четверых его моряков, и невольно задавался вопросом: какова вероятность того, что в неведомых глубинах этих проклятых вод до сих пор сохранились подобные рыбины?

Глава 1

На борту вспомогательного судна ВМС США «Максин D»

Филиппинское море

Настоящее время

Капитан Ричард Даниельсон стоял на основной палубе, словно бросая вызов стихии; в ушах у него свистел ветер скоростью тридцать узлов, вздымающий воды юго-востока Тихого океана. Каждый новый порыв раскачивал подвешенное над кормой чудовище весом двадцать девять тонн, угрожая порвать стропы и сбросить «белого кита» с насеста.

Соленые брызги и непрерывное перекатывание стальной палубы под ногами служили постоянным напоминанием о том, что пошла уже третья неделя командировки, рассчитанной на двенадцать дней. Командир, привыкший командовать, сидя за письменным столом, Даниельсон явно чувствовал себя здесь не на своем месте. Три года назад он перевелся на военно-морскую базу США на острове Гуам в надежде отсидеться там до пенсии, перекладывая бумажки. Гуам был именно тем, что доктор прописал: райский тропический остров с девственными пляжами, глубоководной спортивной рыбалкой и первоклассными площадками для гольфа. Ну и конечно, там были женщины – экзотические островитянки и восхитительные азиатки. Естественно, время от времени начальство проверяло готовность к выходу в море, однако учения обычно занимали всего несколько дней и проводились раз в квартал.

Даниельсон понял, что попал в беду, в тот самый день, как в порт прибыл «Максин D». Скорее научно-исследовательское судно, нежели военный корабль, «Максин D» представлял собой стального верблюда для перевозки груза, а именно глубоководного обитаемого аппарата (ГОА) «Си клиф». И в отличие от случаев учебной тревоги, приказ поступил непосредственно из министерства обороны. Информация о дислокации ГОА получила гриф «Совершенно секретно», это был участок в Филиппинском море, время плавания до которого составляло шесть часов. В минобороны дали ясно понять, что командир военно-морской базы на Гуаме отвечает лишь за техническое обеспечение, всем остальным будут заниматься «яйцеголовые».

Вся проблема была в том, что вплоть до последней недели практически ничего толком не работало. Первой вышла из строя кормовая лебедка на А-раме, затем – основной генератор и, наконец, гидролокатор глубоководного аппарата. Бесконечные поломки оборудования сделали Даниельсона заложником операции, о которой он практически ничего не знал, а ученые на борту лишь усиливали его раздражение. Свой вклад в бесконечные задержки внесла и погода, день ото дня становившаяся все хуже. Даниельсон выблевал свой последний плотный обед еще десять дней назад; даже самых бывалых моряков постоянно мутило, словно с перепоя.

По иронии судьбы именно мать-природа выдала предписание закончить командировку. Управление атмосферной, геофизической и астрономической служб Филиппин (ПАГАСА) зарегистрировало образование мощного тайфуна категории 2, названного «Мариан». Имя это оказалось вполне уместным: прогнозируемая траектория тайфуна пролегала к югу от Японского моря, через цепь Марианских островов и только потом уходила дальше на восток от суши. А учитывая скорость ветра девяносто две мили в час, судно должно было попасть в глаз тайфуна уже через двадцать шесть часов.

Согласно протоколу, судно «Максин D» следовало направить обратно на Гуам, самый южный остров архипелага. Однако, прислушавшись к просьбе находящихся на борту ученых, Пентагон настоял на проведении последнего рискованного предприятия: четвертого по счету погружения в Бездну Челленджера в Марианской впадине.

Марианская впадина – самое глубокое место на земном шаре; ее глубина составляет семь миль, а длина – 1550 миль; это желоб шириной сорок миль,

образованный в результате субдукции. Бездна Челленджера, названная так в честь британского научно-исследовательского судна, с которого сто лет назад были проведены первые промеры глубин, оказалась наиболее глубоководным местом Марианской впадины.

Но почему ВМС вздумали тратить время и деньги на исследование этой адской бездны, было выше понимания Дика Даниельсона. Однако в данный момент он был в основном озабочен тем, чтобы как можно скорее провести запланированное семнадцатичасовое погружение. Это позволило бы поднять на борт глубоководный обитаемый аппарат, надежно закрепить его на палубе и оперативно вернуться на Гуам, прежде чем тайфун «Мариан» успеет превратить поверхность Тихого океана в некое подобие водных Гималаев.

Пока штормовой ветер трепал раскачивающийся «Си клиф», а его команда готовилась к погружению, кое-кто уже приступил к разрушению прекрасных планов капитана Даниельсона.

Полуденное солнце нещадно палило, на пляже яблоку негде было упасть. Тейлор поднялся с одеяла, встав на колени, поясница болела от долгого лежания на животе. Потянувшись, он обратил взор на лежавшую рядом с ним на шезлонге роскошную блондинку модельной внешности, загорелую, с лоснящейся грудью, словно две половинки сочного грейпфрута, в крошечном красном бикини.

Джонас кивком предложил жене пойти вместе с ним окунуться. Но Мэгги лишь отмахнулась.

И Джонас вприпрыжку побежал к береговой линии. Тихий океан казался совершенно спокойным, на воде не было даже намека на рябь. Джонас зашел в воду по пояс, присоединившись к десятку других купальщиков.

Повернувшись направо, он увидел рядом с собой азиатского мальчика лет десяти, не больше. В пристальном взгляде миндалевидных глаз сквозила озабоченность.

– Не ходите.

Джонас уставился на мальчика. Затем просканировал толпу в поисках потенциального родителя.

Странное дело – все купавшиеся куда-то подевались.

Он повернулся лицом к пляжу. Мэгги уже встала, явно собравшись уходить. Она успела сменить бикини на темно-желтое платье и надеть туфли на шпильке. Она пошла прочь, ни разу не обернувшись.

С ней был Бад Харрис, его лучший друг. В смокинге, зализанные темные волосы затянуты в конский хвост. Джонас помахал другу рукой.

Бад, помахав в ответ, последовал за Мэгги.

Джонас повернулся к мальчику.

Мальчик исчез.

Джонас остался один.

Сердце громко колотилось, разрывая тишину. Каждый вдох отдавался в ушах.

Глухой рокот возник, словно далекий раскат грома. Небо оставалось ясным.

В миле от берега образовалась приливная волна, закрывшая горизонт. Волна вздымалась медленно, но неумолимо – гора бурлящей темной воды высотой с двадцатиэтажный дом.

Джонас собрался было бежать, но ноги налились свинцом.

Он поднял глаза. С неба падала стена воды. Она с ревом обрушилась вниз…

– А-а-а-а!

Тридцатилетний коммандер Джонас Тейлор сел в кровати, с него ручьем тек пот, насквозь промочивший сбитые простыни, и на какой-то миг Джонас засомневался, была ли та ужасная волна сном или явью.

Хорошо знакомая серая каюта убедила его, что это всего лишь ночной кошмар.

А затем комната начала кружиться.

Он закрыл глаза, но тошнота сказала твердое «нет». Внезапный приступ головокружения напомнил ему случай десятилетней давности, когда он, тогда тайт-энд в юношеской команде, лежал без сознания на травяном покрытии футбольного поля, стадион Бивер плыл перед глазами, а врач футбольной команды Пенсильванского университета, пытаясь перекрыть гул толпы, выкрикивал его имя: «Не двигайся, Джей Ти! Сфокусируйся на одной точке, пока не прояснится зрение».

Тогда первым порывом Джонаса было сфокусироваться на мяче, который он продолжал сжимать в руках, сейчас этим объектом стал иллюминатор, но поскольку судно качало из стороны в сторону, Джонас уставился на обручальное кольцо на левой руке.

Как только поле зрения сузилось, головокружение отступило.

И тут его внимание привлек настойчивый стук в дверь.

– Да входи же ты наконец!

В каюту вошел пилот глубоководного обитаемого аппарата Майкл Ройстон, его футболка с эмблемой Теннессийского университета насквозь промокла от пота после утренней тренировки.

– Простите, что разбудил, босс. Хеллер хочет видеть вас в лазарете для осмотра перед погружением. Джонас, вы в порядке? Выглядите так, словно побывали в аду.

– Примерно так и есть. Минимум три раза за последние восемь дней. И четвертого я точно не переживу. По крайней мере, не сегодня.

Глаза Ройстона за стеклами очков удивленно расширились. Двадцатисемилетний гидронавт-дублер привык чувствовать себя Робином при Джонасе – Бэтмене. За последний год он дважды сопровождал своего наставника во время спуска на дно Центральноамериканского желоба, но одно дело – быть вторым пилотом при погружении глубоководного аппарата на глубину 20 000 футов, и совсем другое – выполнять одиночное погружение на глубину 36 000 футов. Примерно то же самое, что просить питчера на первой базе выбить в аут Микки Мэнтла в седьмой игре мировой серии.

– Джонас, так вы считаете, что я готов? То есть да, черт возьми! Я готов. Ведь я ваш дублер, так? И если вы хотите, чтобы я вас заменил, конечно, о чем разговор.

Хорошая мина при плохой игре. Вся напускная бравада Ройстона куда-то подевалась, сменившись нескрываемым беспокойством. Конечно, здоровая порция страха вполне естественна перед каждым погружением, но Джонаса явно беспокоило, что его дублер слишком уж натурально пытался его изобразить. И ежу понятно, Ройстон рассчитывал, что ему протянут руку помощи.

– Ладно, посмотрим, что скажет Хеллер. Передай ему, я буду через пять минут.

Из иллюминатора Джонас видел тень глубоководного обитаемого аппарата; он раскачивался на стропах, заставляя его экипаж изрядно попотеть. Тридцать футов длиной, двенадцать футов шириной, с восьмифутовым гребным валом ГОА-4 «Си клиф», так же как и его близнец ГОА-3 «Тартл», после ввода в строй в 1968 году стал рабочей лошадкой ВМС. Белый, с красно-оранжевой рубкой, этот аппарат имел внутри сферу диаметром шесть футов из титанового сплава толщиной четыре дюйма, рассчитанную на экипаж из трех человек. Внешний корпус был выполнен из легкого стеклопластика; внутри и снаружи его размещались двигатели, балластные и уравнительно-дифферентные системы, аварийный балласт, прожекторы, камеры, манипуляторы и корзины для собранных образцов. И только несколько человек за пределами Пентагона знали, что «Си клиф» недавно прошел капитальную модернизацию, в ходе которой титановая обшивка и алюминиевая рама были усовершенствованы, с тем чтобы выдерживать давление 18 000 фунтов на квадратный дюйм. Время автономной работы было увеличено в два раза, до тридцати двух часов, а вес балласта – до восьмисот фунтов. Одним словом, были достигнуты необходимые

технические параметры для погружения на глубину, соответствующую высоте Эвереста. И если на вершине Эвереста что-то пойдет не так, то благодаря этим усовершенствованиям атмосферное давление наверняка не взорвет вашу черепушку.

От пилота требовалось изрядное умение, чтобы управлять подобным глубоководным аппаратом, и ВМС предстояло найти лучшего из лучших – человека, способного спуститься на модернизированном «Си клифе» в Бездну Челленджера. До сих пор только два обитаемых аппарата рискнули опуститься на подобную глубину, оба погружения состоялись в 1960 году, на батискафе. Причем батискафы были непилотируемыми: они просто опустились вниз, а затем поднялись. Во время одного из таких погружений единственный иллюминатор получил повреждение, четырехдюймовое особо прочное стекло треснуло под давлением 16 000 фунтов на квадратный дюйм.

С тех пор за прошедшие три десятилетия больше никто не рискнул опуститься на дно Марианской впадины.

Джонас Тейлор шесть месяцев готовился к погружению в Бездну Челленджера. Его нервы были как стальной канат, однако после того, как он попал в вызывающую клаустрофобию титановую сферу ГОА – тесное пространство, рассчитанное на пребывание троих человек в течение двадцати часов, его отношение к жизни изменилось: ковбойская лихость уступила место состоянию дзен.

Сверхсекретное задание было столь же однозначным, сколь и опасным: Джонасу предстояло погрузить ГОА на глубину шесть миль и зависнуть над илистым теплым оазисом в океане, образованным подкачкой вод подводным гидротермальным источником. Когда батискаф окажется в нужной точке, двое ученых на борту выпустят в Бездну Челленджера беспилотный подводный аппарат (дрон), который должен будет опуститься еще на пять тысяч футов, чтобы с помощью дистанционно управляемой вакуумной установки собрать образцы марганцевых конкреций.

Джонас понятия не имел, что такого особенного в этих кусках породы размером с ананас, впрочем, это его особо и не интересовало. При первой встрече с Даниельсоном он так и сказал:

– Для меня погружение становится рутиной в тот самый момент, как только свет остается где-то там наверху, в тысяче двухстах футах позади. Конечно, за иллюминатором в водном мире много чего происходит: флюоресцирующие существа, брачные игры, скопления медуз и светящиеся в ночи создания, – но во время погружения мое внимание будет сосредоточено исключительно на панели управления. Я не желаю знать, что там снаружи, не желаю думать ни о чем другом, кроме управления аппаратом. Как только я надеваю наушники и включаю классический рок, то сразу перехожу на автопилот, и так на ближайшие пятнадцать часов.

Первое же погружение, восемь дней назад, заставило его сменить тон.

Погружения в ультраабиссаль означали увеличение продолжительности миссии, дополнительное время на борту влияло на умственные и физические способности пилота. Так же как и в случае пилотов авиалайнеров или авиадиспетчеров, стресс и усталость очень быстро сделались опасными побочными эффектами, отрицательно влиявшими на умственную деятельность. Циклы работы и отдыха обоих пилотов глубоководных аппаратов и их технических команд подлежали строгому контролю, и в случае снижения остроты ума под рукой всегда имелся дублирующий состав.

Погружение в Бездну Челленджера отличалось от всех предыдущих, такого Джонас прежде еще никогда не испытывал. Колоссальное давление воды вызывало действующее на нервы дребезжание титановой сферы. Но хуже всего были гидротермальные источники. Температура воды под этой бушующей рекой была буквально тропической, а над ней – около точки замерзания, что приводило к возникновению градиента температур, а следовательно, способствовало образованию непредсказуемых течений, угрожающих сохранности глубоководного аппарата. Все это было равносильно тому, чтобы балансировать на туго натянутом канате над Ниагарским водопадом.

Через шестнадцать часов после начала первого погружения глубоководный аппарат подняли наверх. Джонас настолько обессилел, что его пришлось вытаскивать оттуда.

Меньше чем за неделю были проведены еще два погружения. Джонас провел в шестифутовой сфере, в обществе двух ученых, более пятидесяти часов, и вот теперь от него ждали повторения на бис.

У каждого человека имеется свой предел возможностей. Джонас знал, что преодолел свой после последнего погружения, когда уже перестал толком понимать, пилотирует он «Си клиф» или ему это снится.

Доктор Фрэнк Хеллер был медиком в первом поколении и моряком – в третьем, его дедушка во время Второй мировой войны служил на борту авианосца, а отец и два дяди во время корейской войны – на линкоре «Миссури». Младший брат Деннис был вторым механиком на подводной лодке типа «Лос-Анджелес», старшая сестра в свое время отвечала за безопасность военных водолазов.

Хеллер знал, что старший уорент-офицер Кэролин Хеллер-Джонстон никогда не допустила бы к глубоководному погружению человека, сидящего сейчас на его смотровом столе. Впрочем, его старшей сестре не приходилось иметь дело с таким занудой, как Дик Даниельсон, или с канцелярскими крысами из Пентагона.

Во время последнего погружения Тейлора, похоже, были получены именно те образцы марганцевых конкреций, которых так жаждала команда ученых. И теперь они требовали провести сегодня еще одно погружение, поскольку уже завтра к полудню на этот район, по прогнозу, обрушится тайфун «Мариан». Шторм, придонное течение, даже косяк рыб могут привести к изменению местоположения искомой цели, и по возвращении отыскать тот самый участок вулканической породы будет уже невозможно.

Таким образом, Даниельсон практически не оставлял Хеллеру выбора. И пока Джонас Тейлор выглядел более-менее вменяемым, ему можно было дать добро еще на одно погружение.

Сорокачетырехлетний медик с седым ежиком волос снял манжету тонометра с левого бицепса Джонаса Тейлора.

– Сто тридцать семь на восемьдесят. Немного повышенное, но похоронку родным посылать еще рано.

– Обычно у меня сто десять на шестьдесят.

– Ты просто немного волнуешься перед погружением, вот и все. Руки на ширину плеч, глаза закрыть. А теперь коснись кончика носа указательным пальцем правой руки.

– Эй, не так быстро! – На Тейлора снова нахлынуло головокружение, он потерял ориентацию, открыл глаза и усилием воли постарался остановить ходящую ходуном комнату.

– Головокружение?

– Нет, спасибо. У меня уже есть.

– Это пройдет.

– Фрэнк, спасибо, конечно, на добром слове, но я совершенно уверен, что мозги у меня сейчас, как молочный кисель.

В кабинет вошел капитан Даниельсон:

– Ну как там наш парень?

– Что-то не в духе. Пожалуй, назначу ему от головокружения «антиверт» и укол B12, чтобы устранить слабость, а так он вполне годен.

– Постойте-ка! Ты что, серьезно?

– Отлично! Коммандер, я уверен, в руках хорошего доктора вы у нас быстренько станете совсем как новенький.

– Хороший доктор сегодня явно с бодуна. У меня голова словно в тумане, координация движений на нуле, и мне с трудом удается урвать хотя бы три часа нормального сна.

– «Морские котики» постоянно живут в таком режиме. Соберись, Тейлор! Прими немного кофеина, разомни мышцы. И снова станешь здоровым как бык.

– Здоровым как бык?! Дик, мне ведь не тетушку Би с ее яблочными пирогами везти на церковный пикник в Мейберри. Это Марианская впадина. А там, внизу, я должен сохранять ясность ума. И думать забудь про Ройстона. Он пока даже близко не готов.

– Полагаю, командование военно-морских сил с тобой решительно не согласится. Ведь иначе Ройстона никогда не сделали бы твоим дублером.

– Согласно правилам, наличие дублера – непременное требование. Два других кандидата выбыли еще во время подготовки. А Ройстон был единственным имеющимся пилотом, совершавшим погружения на глубину ниже пятнадцати тысяч футов.

– Значит, формально он прошел квалификацию.

– Формально Фрэнк числится у нас доктором, но я на твоем месте не доверил бы ему вскрыть фурункул на заднице, поскольку для тебя это было бы равносильно операции на головном мозге.

Лицо Даниельсона побагровело.

– Доктор Хеллер, вы считаете коммандера Тейлора годным для погружения?

Фрэнк отвел глаза, избегая взгляда Джонаса:

– Да, сэр.

– Коммандер Тейлор, я приказываю вам взять на себя управление глубоководным аппаратом ровно в девять ноль-ноль. В случае отказа вы предстанете перед военным трибуналом, а мистер Ройстон займет ваше место. Вам все ясно?

Джонас встал. Несколько секунд они с Даниельсоном сверлили друг друга глазами, затем пилот ГОА расстегнул брюки и демонстративно спустил трусы, обнажив ягодицы:

– Колите мне ваш B12 прямо сюда.

Сорок минут спустя Джонас Тейлор, уже на «Си клифе», проверял готовность аппарата к погружению, еще не зная о том, что очень скоро его жизнь навсегда изменится.

Глава 2

Военно-морская база Гуам

Марианские острова – архипелаг на западе Тихого океана, в Микронезии, – представляют собой островную дугу, состоящую из пятнадцати вулканических островов. Острова эти образовались миллионы лет назад после извержения лавы под океаническим ложем Филиппинского моря в результате субдукции – подстилания Тихоокеанской тектонической плиты под Филиппинскую. Именно здесь, в зоне субдукции, образовалась Марианская впадина – самое глубоководное место на Земле. Вода, попадающая в разлом и нагреваемая при контакте с мантийным материалом, повышает гидротермальную активность во всем этом желобе глубиной семь миль и протяженностью 1550 миль.

Самый южный в Марианской цепи – остров Гуам, он же и самый большой по площади. После испано-американской войны остров, аборигенами которого является народ-мореплаватель чаморро, поселившийся здесь более четырех тысяч лет назад, стал частью Соединенных Штатов Америки, что кардинально изменило жизнь местного населения. Расположенный между Гавайями и Азиатским материком, этот остров стал стратегической точкой для военных баз США, число которых на данный момент достигло пяти, включая главную военно-морскую базу на западном побережье – на полуострове Ороте – и авиабазу Андерсен на северо-восточной оконечности острова.

Команд-мастер-старшина Стив Лейффер перевел взгляд с темно-серого неба на черный внедорожник «кадиллак», приближающийся к центральным воротам.

Внезапные визиты контр-адмирала Кевина Куерсио считались скорее светскими мероприятиями, нежели инспекцией, его почетными гостями всегда были политические сторонники или высокопоставленные представители военно-промышленного комплекса. И в конце дня (или нескольких дней) все они вволю оттягивались, устраивая себе каникулы за счет налогоплательщиков.

Но в отсутствие Даниельсона и в преддверии приближающегося тайфуна Лейфферу сейчас меньше всего хотелось иметь дело с адмиралом, известным любителем погулять, и с его подвыпившими гостями.

Адмирал – весьма импозантный мужчина – вылез из внедорожника, и Лейффер отдал ему честь:

– Адмирал, добро пожаловать на Гуам.

– Старшина, очень рад вас видеть. Вы помните сенатора Майклса? – (Сенатор-республиканец от штата Аляска отрывисто кивнул.) – А эти два джентльмена… Ну, давайте будем звать их для простоты мистер Блэк и мистер Блю.

Лейффер сразу узнал исполнительных директоров «Браун энд Рут» и «Би-Пи ойл».

– Джентльмены, примите мои извинения. Адмирал, капитан Даниельсон в данный момент находится в море на задании. А мы готовимся к тайфуну «Мариан». Однако если вы желаете, чтобы я разместил вас за пределами базы…

– Лейффер, все уже сделано. Мы остановимся в «Рэдиссоне». Но я обещал нашим гостям вертолетный тур над островом. А где Мак?

У Лейффера ёкнуло сердце.

– Сэр, коммандер Макрейдс закрепляет летательные аппараты в ангарах. Если хотите, я могу предложить в качестве сопровождающего коммандера Росарио.

Адмирал Куерсио, положив руку Лейфферу на плечо, отвел его подальше от гостей:

– Кончай гнать пургу, сынок. Ступай и найди Мака. Скажи ему, чтобы ровно через десять минут ждал нас на вертолетной площадке, а не то я вам обоим надеру задницу.

Коммандер Джеймс «Мак» Макрейдс перевел ястребиный взор с пары валетов в правой руке на бюст четвертого размера, выпирающий из-под оливковой футболки пышной брюнетки.

– Радд, ты опять блефуешь. Я точно знаю. Когда ты блефуешь, у тебя твердеют соски.

Ассистент стоматолога Натали Радд послала Маку воздушный поцелуй:

– Мак, на кону сотня. Как говорят твои честные давалки: или сюда, или туда.

– Радд, они не проститутки, а военный эскорт. – Мак посмотрел на оставшиеся у Натали фишки. – Я тебе вот что скажу. Хочу увидеть твою сотню и поднять ставки до двух сотен.

– Сукин сын! Ты же знаешь, у меня нет двух сотен. У меня только шестьдесят.

Уорент-офицер Вики Бейкер закатила глаза:

– Ну вот, снова здорово! Мак, и что на этот раз? Выпивка в «Джеронимо» или поездка на Фаспи-Пойнт?

– Тише, Бейкер. Мы пока лишь ведем переговоры. На самом деле, Радд, если ты проиграешь, я подумываю о поездке на уик-энд на побережье Паго-Бей. Только ты и я и твои близнецы.

– Вик, одолжи мне сорок баксов. Хочу ответить на блеф этой гориллы.

– Покажи свои карты.

Радд повернула ладонь в сторону подруги.

– Ставь! – Вики добавила свои фишки в общую горку.

– Бейкер, раз уж ты так уверена, почему бы тебе не поднять ставки?

– Чтобы дать тебе шанс снова увеличить банк и втянуть меня в твои детские игры? И не мечтай.

– Подумай об этом, Бейкер. Ты, я и Радд. Одни в бунгало.

– Мак, звучит заманчиво. Но что мы там будем делать?

Мужчины дружно заулюлюкали.

– Ладно, Радд, я ставлю. Покажи мне свои… и карты тоже.

Брюнетка выложила карты:

– Фулл-хаус, три десятки и две тройки.

Мак стиснул зубы, сломав спичку, которую жевал.

– Твое.

Радд показала ему средний палец:

– Джеймс, с тобой приятно иметь дело.

– Ах, бедняжка! – надула губы Вики. – Похоже, его сейчас хватит удар.

Мак собрался было ответить, но тут возле открытых ворот остановился джип, и в ангар вбежал Стив Лейффер.

– Кого я вижу! Заместитель командира базы. Что случилось, номер два? Даниельсон утонул в море, пытаясь выловить свои мячи для гольфа?

– Мак, мне сейчас не до шуток. Приехал контр-адмирал Куерсио, а с ним сенатор-республиканец и еще две какие-то шишки из гражданских. Он хочет, чтобы ты подготовил вертолет к десяти часам.

– Не пойдет, Стиви. Во-первых, моя команда только засунула наших птичек в гнездышки, а во-вторых, и это самое главное, адмирал прошлые два раза напарил моих девочек. Я не повезу его в лагуну, пока он не заплатит по полной.

– Мак, пожалуйста…

– И думать забудь. Вот возьми Бейкер и Радд. Пусть его развлекут.

– Держи карман шире, – забрав свой выигрыш, сказала Натали.

– Мак, он возьмет нас за жопу, посадив на гауптвахту. И вообще, ты мой должник. В прошлом месяце я тебя дважды прикрывал от Даниельсона.

– Стиви, моим девочкам нужно кормить семьи. И они ждут, что им заплатят. Сам знаешь, даром – за амбаром.

– Ладно, я не хотел поднимать эту тему. Ты сам напросился. Если ты меня не уважишь, я расскажу Даниельсону о Линде Кушнел.

Натали Радд сделала большие глаза:

– Это что, та медсестричка с тату? Блин, Даниельсон с ума сходил по этой цыпочке! Вики, помнишь ее?

– Разве такое забудешь?! Он тогда еще спрашивал моего совета. Парень был просто раздавлен. Он ведь так ее обхаживал. Дорогое вино и все такое. Даже купил кольцо. Через два дня, как он поставил вопрос ребром, она подала рапорт о переводе.

– А все работа Мака, – заметил Лейффер.

– Мак, что ты с ней сотворил?

– Ничего. Фактически мы виделись лишь однажды, но в тот раз я высказал свое профессиональное мнение о ее потенциальном женихе.

– Профессиональное мнение?! Но ты же всего-навсего вертолетчик.

– Верно. Но в первую очередь я считаю себя инструктором личностного роста. Лайф-коучером.

– Стиви, но как наш сэр Галахард[1 - Рыцарь Круглого стола короля Артура и один из трех искателей Святого Грааля. – Здесь и далее примеч. перев.] сумел заставить женщину, которую встретил впервые в жизни, слушать себя? Он что, напоил ее?

– Ничего подобного, – ухмыльнулся Лейффер. – Кушнел получила приказ явиться к штатному психологу базы для ежегодной оценки психического состояния.

– К психологу базы? Но у нас нет никакого психолога.

– И кто произвел оценку?

– Доктор Джеймс Макрейдс, – подмигнул Мак. – Мы провели вместе четыре часа плюс уик-энд в Гонолулу. Бедная девочка. Ей нужно было облегчить душу. Радд, я бы тебе рассказал, но не могу нарушать врачебную тайну.

Н-3 «Си кинг» был двухмоторным многоцелевым всепогодным вертолетом, который использовался ВМС для обнаружения, классификации, выслеживания и уничтожения вражеских подводных лодок. Вертолет этот сняли с производства в 1990-х годах в связи с выпуском SH-60F «Си хок», и четыре 73-футовых, 6-тонных воздушных судна отправили за ненужностью на Гуам, где они содержались в исправности исключительно стараниями механиков под командой пилота Джеймса Макрейдса.

«Си кинг» держал курс вдоль юго-западного побережья, и его нещадно хлестал ветер порывами до тридцати пяти миль в час. Мак направлялся в деревушку Меризо, расположенную на полуострове, возле Кокосовой лагуны. Контр-адмирал Куерсио сидел впереди, гости пристегнули ремни в грузовом отсеке.

– Мак, те две милые молодые леди, с которыми ты познакомил меня в прошлый раз… Как их звали?

– Они чаморро. Их имена так с ходу и не выговоришь. Я просто зову их Джинджер и Мэри Энн.

– Отлично. Сперва мы разместим наших гостей, а потом ты устроишь нам с ними свидание.

– Отец Джинджер в прошлом году лишился ноги из-за диабета. У Мэри Энн ребенок. Они ждут оплаты за свои услуги.

– Так заплати им. – Контр-адмирал сжал плечо Мака. – Я ведь знаю, что ты навариваешься на каждой транзакции. Считай мои бесплатные экскурсии необходимыми накладными расходами.

Мак стиснул зубы, а затем наградил адмирала улыбкой Чеширского кота:

– На самом деле мы добавили кое-что новенькое для наших ВИП-клиентов. Что-то вроде секс-клуба на высоте больше одной мили. Сзади у меня есть два надувных матраса. Я прокачу вас над лагуной – приватность сделает девочек более раскованными – плюс шум моторов заглушит их крики.

– Летающий бордель, да? Ну а как насчет ветра?

– Джинджер и Мэри Энн любят жесткую езду по ухабам.

– Тогда сделаем это, – ухмыльнулся адмирал.

Глава 3

На борту «Толмена»

26 миль к северо-востоку от Бездны Челленджера

Движимое парой двигателей мощностью 653 лошадиные силы, научно-исследовательское судно «Толмен» длиной 275 футов продолжало бороздить Тихий океан в юго-западном направлении. Судно, принадлежащее частной канадской компании «Агрикола индастриз», обычно сдавалось в аренду нефтедобытчикам для океанографических съемок до и после драгирования, проверки трубопроводов и получения изображений до начала операций по спасению затонувшего имущества. И хотя эти рутинные работы помогали оплачивать счета, владелец судна предпочитал более сложные, ориентированные на академическую науку задачи – типа той, что сейчас близилась к завершению.

Пол Агрикола, сын исполнительного директора компании, был приглашен для участия в международной научной экспедиции по сбору данных о NW Rota-1, подводном вулкане, в результате чего «Толмен» и оказался в этом квадрате Филиппинского моря. Внушительная высота открытого три года назад извергающегося вулкана NW Rota-1 за это время успела увеличиться еще на восемьдесят футов, и теперь этот вулкан тянулся вверх со дна глубочайшей мировой впадины на высоту двенадцатиэтажного дома.

Исследование ложа океана в самом глубоководном месте на Земле требовало наличия и самых современных гидролокаторов. К килю «Толмена» прилепилось, словно двенадцатифутовая ремора[2 - Род лучеперых рыб из семейства прилипаловых.], устройство в форме гондолы с многолучевым эхолотом, двухчастотные глубоководные сигналы которого были предназначены для батиметрической съемки абиссали. При проведении измерений основную трудность представляло прохождение сквозь геотермальный источник, искажавший сигнал гидролокатора на глубине шесть миль. Выходом из положения стал «Си бэт», дистанционно управляемый крылатый аппарат. Связанный фалом с многолучевым эхолотом, «Си бэт», подобно подводному воздушному змею, запускался ниже геотермального источника; установленный на его борту гидролокатор, идентифицирующий объекты в пределах акустического диапазона, передавал сигналы на судно.

Три месяца «Толмен» кружил вокруг подводного вулкана, собирая образцы океанской воды для получения данных о биогеоценозе нагретых придонных слоев. После извержения вулкана спасшиеся креветки и крабы возвращались в свою экологическую нишу, где питались интенсивно размножающимися микроорганизмами, тем самым создавая уникальную пищевую цепь, следующим звеном которой становились некоторые виды каракатицы длиной до восемнадцати футов и гигантские кальмары.

Проведя все нужные исследования, экипаж уже собрался было поднять «Си бэт», когда внезапно гидролокатор засек очень крупный объект. Причем звуковой сигнал свидетельствовал о его биологической природе. Вопрос: что это было?

Исходя из полученной картинки, гидролокатор зафиксировал животное длиной более пятидесяти футов и, судя по его объему, массой пятнадцать – двадцать пять тонн. Следовательно, это был явно не гигантский кальмар, размеры которого несравнимо меньше; более того, глубина, с которой поступал звуковой сигнал, – 32 332 фута – категорически исключала версию о наличии кашалота или какого-либо другого известного млекопитающего.

Трое из четверых находившихся на борту океанографов пришли к единодушному мнению, что, скорее всего, гидролокатор засек очень большую китовую акулу.

Однако самый молодой ученый в команде с этим не согласился.

Тридцатидвухлетний биолог Пол Агрикола, в отличие от своего отца, не был предпринимателем, но и он старался никогда не выпускать из рук хороший шанс. Задержав отправление судна, Пол приказал капитану немного покружить в исследуемой зоне, а сам тем временем провел несколько экспериментов с судовым гидролокатором и аппаратом «Си бэт» в качестве наживки.

Установленная частота гидролокатора судна 24 кГц не оказала никакого воздействия на загадочное существо, однако более низкие звуковые волны (12 кГц) выманили его из глубин: поведение, не характерное для китовых акул. Пол понимал, что имеет дело с плотоядным животным, явно не питающимся крилем, однако при всей своей агрессивности животное это отказывалось подниматься выше нагретого гидротермальными источниками нижнего слоя ультраабиссально-пелагической зоны.

– Это определенно не китовая акула, но все-таки акула. Чувствительность к заданным биоэлектрическим полям предполагает наличие у этого вида ампул Лоренцини…[3 - Ампулы Лоренцини – орган чувств у некоторых отрядов рыб, отвечающий за электрорецепцию и достигающий наибольшего развития у хрящевых рыб (акул, скатов, химер и т. д.).] Полагаю, мы имеем дело с представителем рода Carcharodon.

– И на чем, интересно, основаны подобные выводы? – парировал ихтиолог Эрик Стэмп.

– Для начала – на размере животного. Объем его туловища гораздо больше, чем у любого представителя китовых акул.

– Ах, ну да! Но увеличение размера может объясняться адаптацией к холодным водам абиссали. Не стоит забывать правило Бергманна: особи, населяющие холодные воды, характеризуются бо?льшими размерами тела – механизм адаптации, благодаря которому меньший процент объема тела вступает в контакт с внешней окружающей средой, что способствует уменьшению потерь внутреннего тепла. Я бы сказал, что представители подобных видов питаются обитателями придонного слоя, а это отнюдь не свойственно Carcharodon.

– Профессор, белая акула кормится в глубоких водах, но не обязательно в придонных, более того, ни особи, что питаются в придонном слое, ни китовые акулы не нападают на дистанционно управляемые аппараты. Так или иначе, я подозреваю, что акула при желании способна покинуть теплые слои.

– Ладно, умник, тогда скажи нам, откуда тебе это известно. – Лукас Хейтман, уроженец Нью-Джерси, был капитаном «Толмена», они с Полом в свое время входили в одно студенческое братство, и Лукас никогда не упускал случая щелкнуть по носу своего старого друга.

– Это всего-навсего дедукция, основанная на научных данных о массе тела акулы, одним словом – на том, о чем ты понятия не имеешь. Возьмем, к примеру, Carcharodon carcharias — большую белую акулу. Благодаря своей анатомии такие акулы могут выдерживать низкие температуры: их боковые линии представляют собой разветвленную сеть вен и артерий. Когда акула плывет, мускулы вырабатывают тепло, поступающее в венозную кровь, которая, в свою очередь, нагревает более холодную артериальную кровь, словно внутренние кузнечные

мехи. Этот эффект известен как гигантотермия. Наша акула, вероятно, обладает теми же свойствами, а значит, может запросто генерировать тепло, необходимое для подъема к поверхностным слоям океана, однако она этого не делает. Почему? Потому что она приспособилась к тропическим температурам своего ареала.

– А что именно заставило ее приспособиться?

– Последний ледниковый период. Лукас, держись меня, и не пропадешь. Я пытаюсь объяснить тебе так, чтобы было понятно даже пятикласснику. Насколько мы знаем, оледенение во время последнего ледникового периода повлияло на теплые течения, изменив пищевые цепи в умеренных зонах Мирового океана. Однако эти глубоководные впадины расположены в зоне вулканической активности. Как мы успели увидеть на примере вулкана Rota-1, тепло увеличивает численность микроорганизмов, находящихся в конце пищевой цепи. Если эти акулы обитали в водах, включая ультраабиссаль, то для того, чтобы выжить, они могли опуститься на глубину ниже зоны гидротермальных источников. Остальные представители этого вида не смогли выдержать экстремально низких температур и погибли.

– Остальные представители этого вида? Пол, ты так говоришь, будто точно знаешь, кем является наше существо.

– Да, знаю. Исходя из его размеров, агрессивности и того факта, что оно охотится в одиночку, можно сделать вывод о том, что мы выслеживаем Carcharodon megalodon. Лично я уверен в этом на девяносто семь процентов.

– Мегалодон? – фыркнул профессор Стэмп.

Двое приглашенных океанографов были реально заинтригованы.

– Пол, мегалодоны охотятся на китов. Если судить по десяткам тысяч окаменелых зубов, которые мы нашли у побережья, мегалодоны явно предпочитали более мелкие воды.

– Возможно, человек в основном находит зубы мегалодона на мелководье, потому что там их легче найти. И тем не менее нам попадались зубы мегалодона и на больших глубинах. В действительности корабль королевских военно-

морских сил «Челленджер» обнаружил их на этих самых глубинах, в этих самых водах. Нет, господа, мы определенно имеем дело с мегалодоном, и я собираюсь это доказать.

Капитан Хейтман почувствовал странное покалывание во всем теле.

– Интересно как, Пол? Как ты собираешься это доказать?

Пол включил фирменную улыбку своего отца:

– Лукас, дружище, мы с тобой его выследим.

Глава 4

На борту ГОА-4 «Си клиф»

Громадина весом 58 000 фунтов, освобожденная от троса, медленно опускалась вниз, исчезая из поля зрения команды и оставляя за собой лишь струйки пузырьков воздуха. Корпус из стеклопластика, заключавший в себе титановую сферу толщиной четыре дюйма, в сущности, представлял собой каркас, предназначенный для защиты серебряно-цинковых аккумуляторов, которые обеспечивали энергией электрооборудование и системы жизнеобеспечения, а также два гидравлических мотора, вращающих гребные винты. К корпусу были прикреплены телекамера и цифровая фотокамера, прожекторы, гидролокаторы ближнего обзора, два многофункциональных гидравлических манипулятора, корзина, способная выдерживать вес до 450 фунтов, и вакуумная помпа для сбора образцов.

Балластные цистерны, установленные парами в носовой и средней части, предотвращали резкое опускание аппарата на дно наподобие якоря. При наличии океанских течений пилот мог использовать дифферентную систему

компании «Баттел»: шарики из карбида вольфрама, которые перемещались в гидравлической жидкости внутри трубчатых контуров из нержавеющей стали, расположенных на обоих концах подводного аппарата. Вдоль дна располагались стальные пластины основного балласта. Когда наступало время подъема, пилот мог просто сбросить шесть тонн балласта – и глубоководный аппарат за счет выталкивающей силы поднимался на поверхность.

В связи с ограничениями горизонтальной скорости до 2,5 узла, предписанной для управляемых погружений и подъемов, «Си клиф», в сущности, представлял собой глубоководную механическую черепаху, а трое ее пассажиров были наглухо запечатаны в водонепроницаемом титановом нутре.

Из всей команды ученых, разбитых на три группы для выполнения миссии, Джонас предпочитал Ричарда Престиса и Майка Шаффера. В отличие от высокомерной профессорской братии, двое этих геологов средних лет сохранили забавную тягу к школьному юмору, проявлявшемуся, в частности, во время перекусов, когда Престис пытался стащить у Шаффера еду, заставляя того хватать друга за грудки.

Однако внутренняя часть титановой сферы была слишком мала, чтобы валять дурака. С тем же успехом можно было поместить троих взрослых мужчин в пустую джакузи, накрытую пятифутовым изогнутым потолком с вмонтированным оборудованием. Три 4,3-дюймовых иллюминатора не слишком способствовали избавлению от клаустрофобии, сковывающей мысли и заставляющей обоих ученых стимулировать свои когнитивные способности приемом валиума.

Джонас не мог позволить себе подобной роскоши, ему никак не удавалось сконцентрироваться, особенно сегодня.

В каком-то смысле пилотировать глубоководный аппарат было равносильно тому, чтобы вести в одиночку грузовик через всю страну, когда долгие поездки по однообразным автострадам оказывают гипнотический эффект с утратой восприимчивости. Вести восемнадцатиколесный трейлер ночью в десять раз опаснее, чем днем. Мысли начинают путаться, что усложняет принятие решений и замедляет реакцию.

Конечно, водитель грузовика может всегда остановиться на стоянке, размять ноги и даже урвать несколько часов сна. В глубоководном аппарате царила вечная ночь, по крайней мере на глубине ниже тысячи футов.

Три погружения за восемь дней…

Пятьдесят один час пилотирования из 190 часов морского похода.

Глядя в иллюминатор над плечом Майка Шаффера, Джонас следил за тем, как по мере погружения «Си клифа» ниже восьмисот футов, за пределы нижней границы мезопелагической зоны, голубая бездна постепенно меняет свой цвет до темно-фиолетового. Еще через четыреста футов океанские глубины решительно убрали серый занавес солнечного света, погрузив глубоководный аппарат в бархатную тьму среднего слоя.

Путешествие официально началось.

Первая четверть мили… одна из двадцати четырех четвертей мили, которые ведут вниз к теплому слою. Пять часов погружения, три – пять часов сбора образцов, затем еще четыре часа подъема к поверхности, а может, и меньше, если я чуть-чуть поднажму. К завтрашнему утру, учитывая этот проклятый циклон, наступающий нам на пятки, море станет еще более бурным.

Осторожно переместив тяжесть тела, чтобы в этой тесноте не потревожить дремлющего доктора Престиса, Джонас посмотрел в иллюминатор под ногами – окно размером с грейпфрут, открывающее взору лишь сплошную черноту. Пожалуй, кульминацией сегодняшнего дня станет момент, когда он увидит, как Даниельсон, перегнувшись через поручни, в очередной раз блюет в океан.

Между тем темная бездна неожиданно ожила, озарившись тысячами мерцающих огней.

«Си клиф» перенес их в другую вселенную: в средний слой, известный как батипелагиаль, где расположена самая крупная экосистема на планете. Жизненные формы, которые населяют эту «сумеречную зону» и включают в себя до десяти миллионов видов, приспособились к обитанию в темноте, поскольку в процессе эволюции у них развились огромные выпуклые глаза, способные ловить слабые лучи света; более того, эти виды научились… генерировать

собственный свет.

Биолюминесценция живых организмов возникает за счет химической реакции, в данном случае продуцирующего свет люциферина и его катализатора люциферазы. Питаемая энергией аденозинтрифосфорной кислоты (АТФ), люцифераза приводит к окислению люциферина, в результате чего возникает биолюминесцентное свечение. Джонас был знаком с продуцирующими свет фотофорными органами, поскольку в свое время препарировал адского кальмара-вампира в лаборатории ВМС.

Чем глубже они опускались, тем причудливее становились рыбы. Рыба-топорик, привлеченная мерцающими огоньками панели управления, стайками кружила возле иллюминатора, пытаясь впиться зубастыми челюстями в толстое стекло. Несколько минут подводный аппарат сопровождала рыба-удильщик; светящийся спинной плавник отбрасывал призрачный, но притягательный свет на этого попутчика, который, казалось, пытался поймать самого себя.

Джонас, чувствуя, что начинает поддаваться гипнозу, отвернулся и сосредоточился на показаниях измерительных приборов. Температура воды понизилась до 51 градуса Фаренгейта, став пронизывающей до костей, давление воды повысилось до 1935 фунтов на квадратный дюйм.

Закрыв глаза, словно для того, чтобы не подглядывать, Джонас попытался вычислить глубину, на которой они находятся, – своеобразная гимнастика для ума. Давление растет со скоростью 14,7 фунта на квадратный дюйм каждые 33 фута толщи воды. Разделив 1935 фунтов на квадратный дюйм на…

Внезапный приступ головокружения едва не сбросил Джонаса с удобной скамьи. Поспешно открыв глаза, он обвел взглядом сферу.

Слева от него, свернувшись под одеялом в позе эмбриона, по-прежнему мирно дремал Ричард Престис.

Майкл Шаффер, сидевший справа, смотрел на Джонаса вытаращенными, словно у рыбы-топорика, глазами; костяшки его пальцев, сжимавших потрепанную книгу в мягкой обложке, побелели.

– Скажи мне, что с тобой все в порядке.

– Я в порядке. Здоров как бык.

– Отлично. Тогда, быть может, ты пристегнешь… ну, ты понимаешь, ремни безопасности.

– Ремни безопасности? Угу. Хорошая идея. – Нащупав два ремня, Джонас попытался вставить концы друг в друга, но трясущиеся руки не позволили ему справиться с поставленной задачей.

Шаффер терпеливо наблюдал, чувствуя, как непроизвольно учащается пульс. Ученый посмотрел на глубиномер, светодиодные оранжевые цифры которого перескочили за отметку 7100 футов. Всего-навсего четверть пути вниз, а Тейлор уже не контролирует ситуацию. Пожалуй, стоит поднять ему настроение… переключить его ум, или по крайней мере то, что от него осталось, на другое.

– Эй, Джонас, а я рассказывал тебе о лучшем тосте нашего вечернего соревнования? Победителем стал славный ирландский парень Джон О’Рейли, который, подняв кружку пива, сказал: «Пью за то, чтобы провести остаток жизни между роскошных ног моей грудастой жены!» Когда Джон в тот вечер вернулся домой, пьяный в зюзю, его жена поинтересовалась, с какой такой радости он надрался. «Мэри, – ответил он. – Я получил приз за лучший тост вечера. Одним словом, за то, что пожелал провести остаток жизни, сидя в церкви рядом со своей красавицей-женой». И вот на следующий день Мэри случайно встретилась с собутыльниками Джона. «Итак, Мэри, ты слышала, что Джон получил приз, произнеся за тебя тост?» – «Ага, он мне говорил, – ответила Мэри. – И я была немного удивлена. Представляете, за последние четыре года он был там всего два раза. В первый раз он уснул, а во второй – мне пришлось тащить его туда чуть ли не за уши».

Джонас ухмыльнулся:

– У нас впереди долгий путь. Так что прибереги свои лучшие байки для Ущелья дьявола.

– Кстати, я как раз хотел тебя спросить. Интересно, откуда пошло такое название этого участка впадины?

– Мне говорили, название придумал один из ученых на борту «Челленджера», корабля королевских военно-морских сил. Согласно записям в журнале, именно в этом месте они обнаружили самые крупные за все время экспедиции окаменелые зубы акулы, включая те, что датируются периодом менее чем десять тысяч лет тому назад.

– И какой величины были найденные зубы?

– От шести до семи дюймов. Края зазубрены. Словно нож для стейков.

– И какому виду принадлежат…

– Мегалодону. Доисторическому родственнику большой белой акулы. Если представить, что один дюйм размера зуба соответствует десяти футам длины акулы… Ну, в общем, ты понял.

– Похоже, чертовски здоровенная тварь.

– А вот тут-то начинается самая страшная часть нашей истории. Если возраст зубов менее десяти тысяч лет, значит некоторые из этих акул пережили последний ледниковый период, опустившись в глубинный слой океана, нагретый вследствие вулканической активности. Там, у самого дна, ужасно тепло. Жарко, словно в аду.

– Я понял. Как у дьявола в преисподней. Однако термин «ущелье» наводит на мысль, что акулы там и застряли.

Джонас ткнул пальцем в дисплей батитермографа, показывавший 42 градуса Фаренгейта:

– Температура придонного слоя семьдесят градусов. И слой этот отделен от солнца и мелководья шестью милями холодных вод. Если бы ты жил в оазисе, где полно еды, ты бы рискнул пересечь пустыню в поисках другого оазиса, существование которого под большим вопросом?

Шаффер улыбнулся:

– Если только ради Лас-Вегаса. Во мне тоже есть кое-что от акулы. Акулы карточного стола. Плюс я обожаю охотиться на дам. Ррр!

На борту «Толмена»

В 17 милях к северо-северо-востоку от Гуама

Лукас Хейтман развернул батиметрическую карту на подсвеченном столе.

– Мы здесь, примерно в пятнадцати милях к северо-востоку от Гуама. Твой монстр примерно в полумиле впереди. Плывет на глубине тридцать три тысячи футов со скоростью пять узлов. Наш гидролокатор настроен на шестнадцать килогерц, чего явно недостаточно для получения полной информации, но вполне достаточно, чтобы не упустить твою рыбину. На этой частоте.

– А что, если я захочу пометить его?

– Пометить его?

– Его. Ее. Это. Я только знаю одно: нам крупно повезло, что удалось обнаружить гигантскую акулу. И будет обидно упустить ее из-за какого-то чертова тайфуна. Поэтому мы непременно должны ее пометить.

– Ладно. А теперь небольшой экскурс в реальность. Как насчет пятнадцатифутовых волн из-за чертова тайфуна? А к вечеру они станут величиной с небольшую гору. Если мы быстренько не свернем на юг, то непременно попадем в глаз бури. А это нам совсем ни к чему. Уж можешь мне поверить. И еще один экскурс в реальность: твой монстр не покинет теплые воды ниже зоны гидротермальных источников. Вот в чем закавыка, Пол. Гидротермальный источник – это как бурная река с высокоминерализованной горячей водой. Она оторвет, к чертовой матери, гарпун с передатчиком от любой платформы, которую мы спустим вниз, что напрочь исключает возможность маркировки твоей акулы.

– О’кей, Лукас. Возможно, она не захочет навсегда покинуть теплый слой, но спорим, я смогу выманить ее ненадолго. Этого времени хватит, чтобы сделать

хороший выстрел. Установи на «Си бэт II» гарпун с радиопередатчиком и прикрепи к нему остатки тунца, которого мы поймали вчера утром. Мы заставим мегалодона подняться с помощью «Си бэт I», приманим его к «Си бэт II» и – бамс! – прямо в рот! – В глазах Пола появился нездоровый, почти маниакальный, блеск.

Лукас уставился на приятеля:

– Выстрелить в рот? Старина, что мы делаем?! Связываемся с акулой величиной с бимс «Толмена»?! А что, если она выплывет на поверхность, когда мы выманим ее из привычного места обитания? И как помешать ей подняться вслед за беспилотником в поверхностный слой?

– Ты представляешь заголовки газет?! Это будет круче, чем обнаружение «Алвином» затонувшего «Титаника».

– Пол, это несерьезно.

– Я серьезен, как никогда. А если бы ты знал, как сложно было уговорить отца поддержать наше рискованное предприятие, то наверняка тоже отнесся бы к этому со всей серьезностью. Работу за достойную оплату, за исключением проверки нефтепроводов, найти крайне нелегко, и достается она, как правило, более раскрученным судам. Нам нужно нечто грандиозное, вроде этого, чтобы прославить «Толмен».

– Я тебя только об одном прошу. Чтобы ты все хорошенько обдумал. Дружище, если ты выманишь монстра из глубины, то ты за него и отвечаешь.

– Не стоит меня дразнить.

– Пол, я говорю об обязательствах.

– Сперва пометим ее, а потом будем думать, что делать дальше. Ну что, по рукам?

– Отлично. На твои игрушки у тебя есть время до шести вечера. А затем мы идем на юг.

– Лучше до восьми.

– Пол, ты когда-нибудь видел фильм «Приключения „Посейдона“»?

– Ладно-ладно, до шести. Просто подготовь оба аппарата «Си бэт» к запуску через час.

Глава 5

Марианская впадина

Марианская впадина образовалась в зоне субдукции, в процессе «подползания» Тихоокеанской тектонической плиты под передний край Евразийской плиты. В течение миллиардов лет вода из многочисленных гидротермальных источников, нагретая до 700 градусов Фаренгейта, поступала в изолированные участки этого желоба длиной 1550 миль и шириной 40 миль. Насыщенные минералами вулканические выбросы этих «черных курильщиков» примерно в миле от дна образовывали нечто вроде жидкого потолка из сажи, изолирующего нагретые слои от холодных вод абиссали. Крутые склоны подводного каньона Марианской впадины обеспечивали устойчивость гидротермальных источников диаметром более шестидесяти футов, создавая, таким образом, умеренную температурную зону в неизведанном участке дна западной части Тихого океана.

До 1977 года ученые придерживались мнения, что из-за отсутствия солнечного света существование каких-либо форм жизни на таких глубинах невозможно. Но когда они попытались найти подтверждение этой теории путем проведения исследований на борту глубоководного обитаемого аппарата «Алвин», то, к своему изумлению, обнаружили длинную пищевую цепь, в начале которой находились рифтии (Riftia pachyptila) – беспозвоночные длиной от восьми до десяти футов, питавшиеся из гидротермальных источников. На самом деле эти черви с ярко-красными щупальцами питаются бактериями, живущими в их внутренних органах. А бактерии, существующие в симбиозе с Riftia pachyptila, получают от них необходимые для хемолитоавтотрофного метаболизма химические вещества, поступающие в море от «черных курильщиков», – процесс, получивший название хемосинтеза.

В глубинах Марианской впадины гигантские крабы-альбиносы и креветки питались рифтиями, мелкая рыба – крабами и креветками, крупная рыба – мелкой. Крупной рыбой питались самые экзотические морские существа, как современные, так и доисторические, которые существовали в этих температурных зонах сотни миллионов лет. И хотя в Марианской впадине не водилось китов или морских слонов, в богатой экосистеме, расположенной на глубине семи миль от поверхности Тихого океана, было полно добычи.

А на вершине этой пищевой цепи находился Carcharodon megalodon.

Акула-альбинос медленно плыла по черному желобу. Самка мегалодона длиной сорок восемь футов и массой двадцать семь тонн своими размерами уже сравнялась с мужскими представителями данного вида, но они пока предпочитали держаться от нее подальше, по крайней мере до начала первого репродуктивного цикла.

Теплая вода струилась в ее широкую пасть, ощеренную в жестокой зубастой улыбке. Над линией нижней челюсти едва заметно выступали двадцать два острых как бритва зуба, которые она использовала для того, чтобы хватать добычу. В верхней челюсти было двадцать четыре гораздо более крупных и широких зуба: они служили акуле предоставленным самой природой орудием, чтобы прокусывать кости, сухожилия и жир. За передним рядом зубов располагались еще четыре-пять дополнительных рядов загнутых назад, похожих на конвейерную ленту зубов. Состоящие из кальцинированного хряща, острые, как пила, зубы – длиной от трех до шести дюймов – сидели в десятифутовой челюсти, подвижно соединенной с черепом эластичными связками. Этот адаптационный механизм позволял верхней челюсти выдвигаться вперед при открывании пасти, в которую мог поместиться целиком минивэн – от багажника до ветрового стекла.

Последние тридцать миллионов лет мегалодон царил во всех океанах, питаясь жирным, высококалорийным мясом китов. Однако два миллиона лет назад, после наступления последнего ледникового периода, теплые океанские течения изменили направление из-за появившихся между континентами перешейков, а в результате изменились и привычные пути миграции китов. И хотя все эти факторы не повлияли на популяцию мегалодона, увеличение численности других видов привело к уменьшению количества гигантских акул.

Косатки.

Охотясь стаями, состоящими из тридцати – пятидесяти особей, киты-убийцы уничтожали молодь мегалодона. В результате за сотню тысяч лет этих хищников высшего порядка практически не осталось. Хотя редкие представители данного вида все же сохранились.

Полному исчезновению мегалодона, должно быть, помешал тот факт, что отдельным детенышам из «яслей» вдоль береговой линии цепи Марианских островов все же удалось уцелеть. Выгнанные китами-убийцами из прибрежных вод архипелага, уцелевшие детеныши мегалодона, спасаясь от косаток, опустились в более глубокие слои океана и в результате обосновались в теплых водах самой глубокой впадины на планете.

Молодая самка продолжала плыть на юго-восток, обходя кругом «черных курильщиков» высотой с небоскреб, сильное течение помогало ей экономить силы. Несмотря на кромешную тьму, самка мегалодона могла видеть. Благодаря адаптации, возникшей в ходе эволюции, у акулы за сетчаткой глаза возник отражающий слой, обеспечивший хищника зачатками ночного зрения. Глаза у акул, как правило, черные, но у мегалодона из Марианской впадины они были серо-голубыми, что характерно для альбиносов. За тысячи миллионов лет этот вид акул утратил темно-серый пигмент окраски спины и боков, что также обусловлено механизмом адаптации обитания в полной темноте.

Самка легко скользила по тропическим водам впадины, ее массивное, похожее на торпеду тело совершало медленные волнообразные движения. При сжатии боковых мускулов хвостовой плавник и задний спинной плавник ритмично включались в работу, направляя акулу вперед. Огромный хвост в форме полумесяца обеспечивал мощный рывок практически без торможения, а жаберные щели, выталкивавшие воду, увеличивали скорость в потоке.

Скорости и маневренности способствуют широкие грудные плавники, обеспечивающие состояние равновесия подобно крыльям пассажирского авиалайнера. Передний спинной плавник возвышался над спиной, словно шестифутовый парус, служа своеобразным рулем. Пара меньших по размеру брюшных плавников, задний спинной плавник и для полного комплекта крошечный анальный плавник – все это было синхронизировано и

усовершенствовано за четыреста миллионов лет эволюции.

Самка обоняла окружающую ее среду через две ноздри размером с грейпфрут на конце рыла, ее мозг обрабатывал информацию о запахе химических веществ и выделений, столь же хорошо различимом, как дымок на кухне.

Впереди находилось скопление тысячи гигантских каракатиц, перемещавшихся по каньону одной сплошной массой.

И хотя самка мегалодона выслеживала эту стаю уже несколько недель, острой потребности в пище она не испытывала. Питание означало необходимость охотиться, а охота требовала расхода энергии. Поскольку внутренняя температура акулы была примерно равна температуре окружающей среды, охотница могла неделями обходиться без пищи при условии, что оставалась в этих теплых водах, где ее хищнические инстинкты до поры до времени дремали.

Акустические волны «Си бэт» оказали раздражающее воздействие на органы чувств самки, пробудив желание атаковать. Десяток последовательных толчков – и вот акула, пробив гидротермальный потолок, уже поднялась к поверхности океана, но шок от попадания в водную среду температурой 33 градуса Фаренгейта заставил ее вернуться обратно, прежде чем она успела убить источник возбуждения.

Энергия была потрачена, резервы подходили к концу.

Теперь ей было просто необходимо начать охоту.

Взмахнув мощным хвостовым плавником, голодная акула стремительно ушла вниз, в темноту, нацелившись на добычу.

В океанской пищевой иерархии размер имеет значение. Каракатицы, обитающие в Марианской впадине, приспособились к окружающей их среде путем увеличения размеров, составляющих восемнадцать – двадцать футов от головы со своеобразным клювом до кончиков их восьми рук с присосками и двух хватательных щупальцев. У этого головоногого три сердца, которые качают сине-зеленую кровь к десяти конечностям и поддерживают механизм

маскировки, позволяющий менять цвет кожи. Испускаемый телом каракатицы люминесцентный зеленый свет способен приманить жертву или отпугнуть хищника.

Каракатицы – одни из самых умных морских животных – научились путешествовать стаями, отпугивая потенциальных врагов внушительным размером подобных скоплений. И сейчас по океанскому желобу двигались как одно целое десять тысяч головоногих моллюсков, напоминавших извивающуюся морскую змею длиной в четверть мили.

И хотя тактика каракатиц была выбрана верно, она не могла обмануть органы чувств самки мегалодона. На передней и нижней частях ее рыла были расположены поры, в каналах которых содержались ампулы с рецепторными клетками, известные как ампулы Лоренцини. Наполненные желеобразной жидкостью каналы соединялись с мозгом аулы разветвленной системой краниальных нервов, позволяющих хищнику различать даже малейшие изменения напряжения и биоэлектрических полей, генерируемых каракатицей во время движения по воде. Ампулы Лоренцини в голове самки акулы обладали настолько высокой чувствительностью, что давали ей возможность выделять в движущейся массе тысяч каракатиц отдельные особи по ритму их трех сердец.

Мегалодон преследовал добычу, двигаясь параллельно стае каракатиц.

Почуяв хищника, каракатицы увеличили скорость и тотчас же изменили цвет кожи на фосфоресцирующий зеленый и синий. Изменение цвета служило не только для отпугивания противника, но и для коммуникации внутри стаи.

Спинной хребет самки мегалодона выгнулся дугой, в результате чего грудные плавники прижались к телу. Приготовившись к атаке, юная акула уже собралась было вклиниться в движущуюся массу каракатиц, но внезапно уловила совсем рядом присутствие другого наблюдателя, а значит, соперника.

Плиозавр длиной тридцать три фута и массой восемнадцать тонн по величине был практически равен мегалодону, но явно уступал последнему в объеме. Голова плиозавра, составлявшая треть общей длины, чем-то напоминала крокодилью: его челюсть была перегружена острыми как бритва

десятидюймовыми зубами. Вытянутая голова сидела на толстой шее, плотное туловище заканчивалось коротким хвостом. Двигался плиозавр с помощью четырех узких ластообразных плавников, толкавших вперед его обтекаемое тело.

Кронозавр – представитель семейства плиозавридов, переживший раннемеловую эпоху, некогда был морской рептилией. Его предки господствовали в морях более 50 миллионов лет, до тех пор, пока 65 миллионов лет назад на Землю не упал астероид. После столкновения планеты с небесным телом в ее атмосферу было выброшено большое количество пыли и сажи, экранировавших солнечный свет, что и привело к началу ледникового периода.

Рептилии являются холоднокровными животными, температура тела которых зависит от количества тепла, вырабатываемого окружающей их средой. И поскольку океаны быстро остывали, отряд плезиозавров быстро вымер, оказавшись неспособным генерировать необходимое для выживания внутреннее тепло. Кронозавры, обитавшие в морях возле Австралии, были единственными представителями отряда плезиозавров, которые оказались в непосредственной близости от одной из немногочисленных теплых точек планеты, не затронутых глобальным оледенением.

Подобно тому как аллигаторы проводили дни, греясь на солнце, кронозавры ныряли в нагретые геотермальными источниками глубины Марианской впадины. За тысячу поколений только этот род из семейства плиозавридов сумел адаптироваться к длительному пребыванию на глубине благодаря жабрам: образовавшись в ходе эволюции, эти органы водного дыхания позволили кронозаврам поселиться в теплой глубоководной зоне.

Самец кронозавра бесшумно пересекал зону гидротермальных источников, извергавших порции чистой, почти кипящей воды; насыщенный серой обратный поток заставлял пританцовывать бесчисленных рифтий. Если мегалодон был львом этого глубоководного Серенгети, то кронозавр мог по праву считаться его леопардом, который, хотя и чувствовал присутствие более сильного охотника, тоже должен был искать себе кормовую базу.

Отталкиваясь мощными передними плавниками, кронозавр резко обогнул «черного курильщика», взяв курс наперерез реке головоногих, мчавшихся по

впадине, словно шестиэтажный поезд длиной с три футбольных поля.

При появлении кронозавра каракатицы, задействовав находящиеся на коже клетки-хроматофоры, моментально начали испускать в обоих направлениях пучки неонового зеленого и синего света, короткие меняющиеся вспышки которого создали рисунок, напоминающий чешую огромной морской змеи.

Напуганный кронозавр повернул обратно: инстинкт самосохранения взял верх над голодом.

А затем, без предупреждения, стая каракатиц неожиданно взорвалась вспышками ослепительно-красных огней – это десять тысяч фосфоресцирующих тел рассыпались по сторонам: паническое бегство было вызвано 54 000 фунтов живой массы разъяренной акулы. Самка мегалодона энергично прокладывала себе путь к середине скопления каракатиц, ее гигантские челюсти перемалывали извивающихся головоногих моллюсков, зазубренные зубы разрывали щупальца на полоски, а органы обострившихся чувств были настроены на обнаружение в этом хаосе кронозавра.

Испуганный соперник ринулся прочь, увлекаемый лавиной бросившихся врассыпную каракатиц; он лавировал и вилял, в спешке обжигая брюхо горячими гидротермальными струями.

Пока самка мегалодона закусывала сочным мясом каракатиц весом не меньше тысячи фунтов, головоногие начали смыкать ряды, посылая яркие последовательные пучки света по мере формирования однородной извивающейся массы. Сплотившаяся стая фосфоресцирующих моллюсков, словно огромная сияющая зелено-синими огнями змея, пронзая тьму, направлялась на север впадины.

Самка мегалодона сделала два круга над полем битвы в поисках соперника. И обнаружила его в нескольких сотнях ярдов впереди: кронозавр двигался параллельно морскому дну, следуя за стаей каракатиц.

Акула, у которой разыгрался аппетит, резко сменила курс, одновременно нацелившись и на каракатиц, и на своего заклятого врага.

Глава 6

Бездна Челленджера

Джонас быстро перевел глаза с дисплея глубиномера на иллюминатор, усталость, одолевавшая его в течение пяти часов, исчезла благодаря выбросу адреналина при погружении на большие глубины.

31 500 футов…

31 775 футов…

Осадочные породы барабанили по корпусу «Си клифа», словно град по жестяной крыше. Джонас ослабил давление на педали, установив скорость погружения глубоководного аппарата.

31 850 футов.

Какой-то объект промелькнул в донном иллюминаторе под разутыми ногами Джонаса, огни глубоководного аппарата осветили водоворот коричневой воды. Джонас остановил «Си клиф» в пятидесяти футах над гидротермальным слоем, изо всех сил пытаясь выровнять аппарат над бушующими струями воды.

– Просыпайтесь, джентльмены! Мы прибыли к воротам в ад.

Майкл Шаффер растолкал доктора Престиса.

– Джонас, тебе, похоже, пора сменить приветствие. Как насчет: «Тото, мне кажется, что мы уже не в Канзасе»[4 - Цитата из фильма «Волшебник страны Оз».].

Ричард Престис сонно потер глаза:

– Как тривиально. В каждом второсортном фильме используется эта фраза. А что, если так: «Из всех глубоководных впадин на Земле она выбрала мою»?

– А можешь себе представить, что, посмотрев в иллюминатор, ты увидишь русалку? – поинтересовался Шаффер, подготавливая к запуску дистанционно управляемый глубоководный аппарат.

– Я предпочитаю русалок с четвертым размером бюста, а лучше еще больше, – пошутил Престис. – Но все русалки, которым удалось здесь выжить, наверняка плоские, как доска, из-за этого жуткого давления. Посмотри-ка, я сейчас запущу «Летающую белку».

Джонас ухмыльнулся:

– Я давно собирался спросить вас, парни. Интересно, кому из вас пришло в голову назвать телеуправляемый подводный аппарат[5 - Телеуправляемый необитаемый подводный аппарат (ТНПА) (remotely operated underwater vehicle – ROV) – это подводный аппарат, часто называемый роботом, который управляется оператором или группой операторов (пилот, навигатор и др.) с борта судна. Аппарат связан с судном грузонесущим кабелем, через который на аппарат поступают сигналы дистанционного управления и электропитание, а обратно передаются показания датчиков и видеосигналы.] «Летающей белкой»?

– Ну, эта честь принадлежит доктору Шафферу.

– Я вам вот что скажу. Лично я фанат «Приключений Рокки и Буллвинкля»[6 - Американская приключенческая комедия 2000 года с элементами анимации.].

Джонас попытался скорректировать угол наклона и отклонение от курса глубоководного робота в бушующем потоке холодных вод, сталкивающихся с горячими.

– Быть может, нам тогда стоит называть Даниельсона и Хеллера Борисом и Наташей?

Престис, закрыв глаза, чтобы справиться с качкой, ухватился за ручку управления.

– И кто из них Борис, а кто Наташа?

Шаффер, проигнорировав вопрос, мысленно прочитал короткую молитву.

– Пусть Хеллер будет Наташей, – ответил Джонас. – У него ноги красивее. Майк, ты в порядке?

Нос и корма подводного аппарата медленно поднимались и опускались, словно детские качели.

– Давайте поскорее завязывать с этим делом. Пора убираться отсюда, к чертовой матери! Запускаем «Летающую белку».

Отсоединенный от «Си клифа», канареечно-желтый прямоугольный подводный аппарат размером с небольшую тележку быстро удалялся, движимый двумя винтами; тонкий металлический трос, с помощью которого он крепился к ГОА, разматывался электрической лебедкой.

– Моторы – проверены. Освещение – проверено. Инфракрасный прожектор – проверен. Приборы ночного видения – проверены. Передняя камера – проверена. Задняя камера – проверена. Механическая рука – проверена. Ричард, проверь вакуумные насосы.

– Насосы работают. Отправляй свою «Летающую белку» в адскую дыру Джонаса и прикажи ей принести нам немножко спелых орехов.

– Ну, я бы согласился и на дюжину марганцевых конкреций, наполненных гелием-3. – Шаффер с помощью джойстика направил «Летающую белку» отвесно вниз, нацелившись на появившееся на мониторе темное пятно на гидротермальном источнике. – Со слезами на глазах он готовится к этому последнему удару по мячу. История Золушки, появившейся из ниоткуда… бывший смотритель поля готовится стать победителем турнира.

Джонас с Престисом с усмешкой переглянулись. Шаффер на редкость точно изобразил Карла Спаклера из фильма «Гольф-клуб». И когда «Летающая белка» прошла через горячий слой бурлящей сажи и в ее армированную раму полетели обломки вулканической породы, все трое дружно закричали:

– Мяч в лунке! Мяч в лунке!

Несколько минут на экране монитора Шаффера было только поле помех, но лишь до тех пор, пока аппарат, пробив гидротермальный потолок, не оказался в спокойном море.

– Мы закончили. Переключайтесь на ночное видение.

Монитор из черного стал оливково-зеленым, продемонстрировав клубившиеся над невидимыми трубами темно-коричневые облака. Шаффер, работая джойстиком, вывел мини-аппарат из области вулканической дымки, направив его в сторону дна.

– Майкл, быстро вытаскивай его!

– Джонас, расслабься. У меня все чисто.

– Просто сделай это. У меня на гидролокаторе что-то очень большое. Двигается к нашему роботу.

Шаффер, схватившись за джойстик, направил привязанный аппарат обратно в гидротермальный потолок.

У Ричарда внезапно бешено заколотилось сердце.

– Джонас, что там такое? И насколько большое?

– Лучше бы тебе этого не знать.

Джонас включил на полную мощность подводные прожекторы «Си клифа», чтобы разглядеть через участок чистой воды бешеное кружение обломков внизу.

Реверберация – словно шлепанье босых ног по бетону – достигла крещендо, и внезапно тьму пронзили мерцающие зеленые и синие фосфоресцирующие огни: это живые организмы, обитавшие где-то там, внизу, на две тысячи футов ниже гидротермального потолка, мчались по впадине подобно пляшущим огням

святого Эльма.

И только через сорок секунд «Си клиф» снова поглотила тьма.

Ричард Престис вытер пот со лба:

– Это было нечто невероятное. Почти неземное.

– Похоже, я едва не обосрался. – У доктора Шаффера участилось сердцебиение, вследствие чего возникли проблемы с дыханием, и теперь каждый глубокий вдох мог привести к гипервентиляции. Трясущимися руками он бросил в рот валиум. – Ричард, думаю, тебе следует меня заменить.

– Может, еще валиума?

– Мне нужен воздух.

– Расслабься, приятель. Дыши медленнее и глубже. Джонас, ты можешь направить на него вентилятор?

– Сделано.

– Майкл, расскажи нам анекдот. Как насчет…

– Тс! – Джонас уставился на дисплей гидролокатора робота. – Ричард, выровняй «Белку».

– Что не так? – Ученые повернули к нему побелевшие лица.

– Гидролокатор засек отставшего. Только он явно другой. Он движется как хищник.

Все трое уставились на дисплей. Яркая оранжевая точка лениво перемещалась на глубине, выписывая восьмерки под телеуправляемым аппаратом.

– Он знает, что там робот.

– Откуда?

– Стальные винты. Они посылают электрические разряды. Пожалуй, стоит отключить питание. – (Престис и Шаффер неуверенно переглянулись.) – Сделайте это. Трос удержит его на месте.

Престис выключил питание «Летающей белки».

Самка мегалодона кружила вокруг незваного гостя; выгибая спину, она уже приготовилась атаковать снизу, но добыча внезапно исчезла.

Несколько минут самка продолжала кружить на месте. Затем, взмахнув, как хлыстом, мощным хвостом, она продолжила охоту, постепенно уменьшая расстояние между собой и стаей каракатиц, двигавшихся по нагретым водам подводной впадины.

На борту «Толмена»

В шести милях к северо-северо-западу от Гуама

– Пол, а ну-ка посмотри сюда. Если верить «Си бэт I», твой монстр только что изменил курс.

Пол Агрикола, оттолкнув кого-то из группы ученых, присоединился к капитану Хейтману, стоявшему перед дисплеем гидролокатора подводного робота; высота волн достигала двадцати футов, от сильной качки крутило живот и схватывало голову.

– Я вижу несколько ярких точек. И какая из этих чертовых точек – акула?

– Та, что поменьше, вот тут. Большая точка – должно быть, косяк рыбы. Когда косяк сменил направление, твоя акула сделала то же самое. Посмотри, они только что проплыли прямо под нами.

– Подойди поближе, пока мы их не упустили.

– Хелм, быстро ложись на курс ноль-один-пять. Следи за курсом. Держись носом к волне. Увеличь скорость до десяти узлов.

– Есть, сэр.

Пол, нервно барабаня указательным пальцем по пластиковому столу с подсветкой, внимательно изучал карты.

– А когда будет запущен «Си бэт II»?

Капитан, взяв с пульта телефонную трубку, набрал дополнительный номер подсобного помещения:

– Дуг, сколько еще ждать «Си бэт II»?

– Двадцать минут. Еще раз позвонишь – и станет тридцать.

Пол выхватил трубку из рук капитана:

– Дуг, это Пол. Мне нужно знать, на какой максимальной глубине мы можем запустить гарпун с радиопередатчиком?

– Пока «Си бэт» находится над гидротермальным источником, он выстрелит. Хотя черт его знает, будет прямое попадание или гарпун угодит туда, где прячется мегалодон. Мое дело – подпустить твою рыбку поближе и помолиться.

Пол в сердцах бросил трубку на место:

– Двадцать минут, капитан. Позови меня, когда начнется запуск. А я пока пойду поблюю на носу.

Лукас проводил глазами друга. Не моряк. Совсем как его папаша.

Бездна Челленджера

В африканском Серенгети существуют свои законы, своя иерархия очередности охоты. Когда львица преследует зебру, хищница играет на своем поле. И только после того, как она закончит пиршество, дикие собаки и гиены могут доесть остатки падали.

В океане существуют аналогичные правила. В поверхностных водах морского льва убивает косатка; мясом мертвого китообразного лакомится большая белая акула.

В Марианской впадине бал правит Carcharodon megalodon. Все начинается с преследования жертвы – ритуала, необходимого для того, чтобы дать сигнал другим хищникам держаться подальше. Язык тела высшего хищника изменяется со смиренной позы на агрессивную: хребет выгибается дугой, грудные плавники смотрят вниз. Мегалодон, кружа вокруг предполагаемой жертвы, иногда метит свою промысловую зону мочой.

Нарушить эту границу означает нарушить иерархию в порядке кормления.

Самец кронозавра нуждался в пище. Встреча с мегалодоном застала его врасплох, а отступление вынудило растратить последние запасы энергии.

Кронозавр, плывший параллельным со стаей каракатиц курсом, неожиданно свернул наперерез, благодаря чему сумел отделить несколько дюжин головоногих от общей массы. Отдельные особи стали удобной добычей. И охота началась.

Каракатицы были проворными животными, но со стадным мышлением, а потому внезапная потеря стаи обрекала их на ошибочные действия. Вместо того чтобы уходить от охотника, каракатицы пытались воссоединиться с отставшими собратьями, для чего выбирали самый прямой путь, не обращая внимания на опасность.

Кронозавр, неожиданно показавшись из-за вздымающегося «черного курильщика», помешал отходу отбившихся от стаи каракатиц. Щелкнув

челюстями, хищник стиснул зубами голову каракатицы, отчаянно топорщившей щупальца, присоски которых впивались в невидимого противника. Однако очень скоро жизненные силы покинули жертву, и она обмякла в гигантской пасти.

Не успел кронозавр сомкнуть свои чудовищные челюсти, как органы чувств просигналили ему о появлении более крупного хищника.

Напав на каракатиц, кронозавр непроизвольно бросил вызов самке мегалодона. Юная королева изменила свой курс, чтобы перехватить нарушителя, – хищнический инстинкт, выработанный за тридцать миллионов лет, был сильнее потребности в сохранении энергии.

Продолжая стискивать каракатицу крокодильими челюстями, кронозавр поплыл прочь, виляя по колышущимся полям гигантских рифтий в безуспешной попытке уйти от преследования.

Самка мегалодона, оказавшаяся в более выгодном положении, стрелой пошла вниз, скорректировав угол атаки и тем самым лишив противника возможности ускользнуть. В ходе внезапного нападения она взбаламутила воду, подняв тучи донных осадков. Доисторическая большая белая акула, вжав тело противника в морское дно, сдавила его шею гигантскими челюстями. От чудовищного удара у акулы вылетели два передних зуба, а морда скрылась в облаке мелких обломков минералов, сажи, раздавленных рифтий и крови.

Кровь принадлежала кронозавру. Его внутренние органы разорвались от мощного удара, и ошметки мяса фонтаном брызнули из пищевода мертвого животного, панцирь которого не выдержал столкновения с двадцатисемитонной акулой, двигавшейся со скоростью восемнадцать узлов.

Контуженная в результате столкновения самка оказалась не в состоянии обнаружить раздавленные останки своей жертвы. Мотая гигантской головой, юная королева выплыла из облака ила и попыталась перезагрузить свои притупившиеся органы чувств.

Медленно приходя в себя, она идентифицировала знакомый высокочастотный звук, который подействовал раздражающе и возбудил нервные окончания. В попытке избавиться от неприятного ощущения, самка принялась выписывать восьмерки над окровавленными останками своей жертвы, плававшими у самого

дна. Но настойчивые короткие сигналы по-прежнему продолжали раздражать нервную систему, что приводило акулу в неистовство.

Покинув место кровавой бойни, мегалодон поплыл в сторону бурлящего гидротермального источника, чтобы перехватить «Си бэт».

Глава 7

На борту «Толмена»

Рулевая рубка стала дирижерским пультом управляемого хаоса.

Дирижером, маэстро миссии был Пол Агрикола; ему приходилось дирижировать, реагируя на быстро изменявшийся репертуар концерта, исполнявшегося в оркестровой яме глубиной шесть футов у него под ногами.

Два подводных робота «Си бэт» были спущены на стальном тросе: «Си бэт I» над самим гидротермальным источником, «Си бэт II» – в полумиле над ним; диапазон действия второго робота был ограничен длиной стального троса на лебедке.

И эти недостающие две тысячи футов троса оказались определяющими. Пока самка мегалодона преследовала «Си бэт I» над гидротермальным источником, она не поднималась в холодные воды над теплым слоем дольше чем на тридцать секунд. По мнению Пола, это было обусловлено скорее тем, что они отключили «Си бэт I», чтобы спасти робота от зубов акулы, нежели тем, что мегалодон старался держаться подальше от холодных слоев океана.

Новый план состоял в том, чтобы включить гидролокатор «Си бэт II» на полную мощность в момент появления акулы из минерализованного слоя. Пол Агрикола исходил из предположения, что акула моментально нацелится на второго робота, снабженного гарпуном с радиопередатчиком, подключенным к датчику движения; максимальная дальность поражения составляла шестьдесят футов.

Дуг Дворак, судовой механик, опустил уоки-токи:

– Пол, команда судна стоит у лебедок. Глубина «Си бэт II» стабильно двадцать восемь тысяч четыреста тридцать пять футов. «Си бэт I» завис над гидротермальным слоем. Оба гидролокатора, согласно приказу, выключены.

– Опустите «Си бэт I» на тридцать две тысячи семьсот футов.

– Пол, это на семьсот футов ниже гидротермального слоя. Не советую этого делать.

– Дуглас, твоего мнения никто не спрашивал. Капитан Хейтман, приготовьтесь увеличить скорость, чтобы быть на безопасном расстоянии, когда «Си бэт I» пройдет через гидротермальный слой и снова окажется в Бездне Челленджера.

– Ты что, хочешь приучить акулу к своей наживке, чтобы выманить из теплого слоя?

– Именно так.

– Пол. Это палка о двух концах. Чем дольше преследование, тем больше уходит энергии. Мегалодон может потерять интерес.

– Луис, мегалодон измотан. Если мы в ближайшее время не сумеем поразить его гарпуном с передатчиком, то очень скоро он вообще откажется покидать теплый слой.

– Пол, «Си бэт I» вошел в гидротермальный слой. Шестьдесят футов до Бездны Челенджера… тридцать футов. Готовьтесь включить гидролокатор «Си Бэт I».

Пол вытер пот со лба:

– Может, с гидролокатором немного подождать? Пусть робот сперва достигнет предельной глубины.

Капитан покачал головой:

– Слишком рискованно. Акула уже нацелилась на вибрации «Си бэт». Я не могу позволить себе действовать вслепую. И мне нужно будет точно знать, где

находится акула, когда «Си бэт» появится из источника.

– Капитан, «Си бэт I» вошел в теплый слой.

– Включите гидролокатор «Си бэт I».

– Гидролокатор включен. Цель установлена. Расстояние пятьсот двадцать футов. Скорость… семь узлов. Десять узлов.

– Рулевой, увеличить скорость до двенадцати узлов.

– Расстояние четыреста футов… четыреста двадцать… пятьсот. Скорость цели двенадцать узлов.

– Рулевой, сбавить скорость до десяти узлов.

– Капитан, радиолокатор зафиксировал еще какое-то судно. В двух милях к югу от нас. Мы направляемся прямо к нему.

Пол покосился на оператора РЛС:

– Должно быть, рыболовецкий траулер. Капитан, не обращайте внимания.

– Капитан, они нас окликают. Это корабль военно-морских сил Соединенных Штатов. «Максин D».

Пол едва слышно выругался:

– Что там на гидролокаторе? Где мегалодон?

– В двухстах тридцати футах от робота. Идет на сближение.

– Капитан, военные говорят, мы входим в запретную зону. Приказано сменить курс.

– Пол, цель приблизилась на семьдесят пять футов, скорость шестнадцать узлов.

– Рулевой, выровнять скорость. Дуг, включай лебедку.

Дворак гаркнул в уоки-токи:

– Включить лебедку. Поднять «Си бэт»!

– Сэр, цель последовала за «Си бэт I» в гидротермальный источник.

Возбужденная непрерывными импульсами гидролокатора «Си бэт», самка мегалодона начала пробиваться сквозь гидротермальный слой, намереваясь сожрать надоедливое существо. Закрыв пасть, чтобы защитить жабры от потока сернистых осадков, она за несколько секунд прошла через гидротермальные выбросы и оказалась в холодном чужом мире.

– Расстояние до военного корабля одна и три десятые морской мили.

– Пол?

– Я думаю!

– Сэр, «Си бэт I» вышел из гидротермального слоя.

– Пол, что тут думать?! Нам надо сменить курс.

– Спокойно! Дуг, выключи гидролокатор «Си бэт I». Включай «Си бэт II».

– Пол, я меняю курс. Следую на запад курсом два-семь-ноль.

– Сэр, цель прошла через гидротермальный слой.

Пройдя через гидротермальный слой, самка мегалодона оказалась в ледяной воде, холод моментально тонизировал перегретые мышцы. Нацелившись на

надоедливые импульсы, исходящие от второго робота, самка продолжила подъем; меньше чем за минуту она преодолела тысячу футов.

– Цель сфокусировалась на «Си бэт II». Расстояние двести семьдесят пять футов. Но оно быстро сокращается. Мои поздравления, Пол! Похоже, твой план сработал.

– Дуг, праздновать победу еще рано. Капитан, сбавьте скорость. Мы должны настолько заинтересовать ее «Си бэт II», чтобы она оказалась в шестидесяти футах от гарпунного устройства.

Море было ледяным, холод проникал в уставшие мускулы мегалодона, заставляя кровяные сосуды сжиматься. Движение хвостового плавника замедлилось, дыхание стало неровным.

В семидесяти двух футах от добычи, в полумиле над бурлящим гидротермальным слоем и всего в двенадцати футах от нацеленного гарпуна с передатчиком, установленного на «Си бэт II», плавательные мускулы двадцатисемитонного хищника внезапно свело судорогой.

Мегалодон медленно, величественно ушел головой вниз на дно, назойливые пульсации теперь отдавались в его мозгу лишь слабым эхом.

На борту «Си клифа»

Валиум подействовал моментально, укутав теплым одеялом расшалившиеся нервы Майкла Шаффера. Он сонно следил, как Ричард Престис направляет «Летающую белку» к морскому дну с помощью гидролокатора, встроенного в дистанционно управляемый аппарат, и ноутбука с монитором ночного видения.

– Майкл, я в двух сотнях футов от морского дна. Как мне получить координаты последнего погружения?

– Нажми F-7.

На экране ноутбука появилась красная точка.

– Есть.

– Кликни на нее мышкой, и автопилот сможет…

– …направить «Белку» к нашему мешку с орехами, – кликнув мышкой, рассмеялся Престис.

Ничего не произошло.

– Что-то не так. Координаты установлены, но автопилот не включается.

Шаффер прикрыл веки и задумался:

– Проверь свой гидролокатор. Убедись, что он в активном состоянии.

– Джонас, ты слушаешь? Переключи с пассивного состояния на активное. Джонас?

«Си клиф» лег на правый борт – и продолжил крениться. Престис уткнулся Шафферу в колени.

– Тейлор, просыпайся!

Джонас Тейлор, сидевший пристегнутым за пультом управления, моментально открыл глаза и принялся отчаянно жать на педаль, чтобы выровнять дифферент.

Подводный аппарат перекатился на левый борт, снова обретя состояние равновесия.

– Простите, ребята. Глаза почему-то сами закрываются.

– Тогда прими еще одну дозу кофеина, чтобы больше не переворачивать нас вверх тормашками.

– Не могу, сердце и так трепыхается как ненормальное.

– Переведи, по крайней мере, сонар «Белки» в активный режим.

– Извини, Ричард, но никакого активного режима. Тем более при наличии в этой зоне крупного хищника.

– То, что ты видел, могло быть чем угодно.

– Ричард, для обнаружения «черных курильщиков» сонар не нужен. Система управления робота имеет настройки температурных датчиков, которые позволят ему обойти любые подводные источники температурой выше двухсот двадцати пяти градусов. Просто используй джойстик и направь «Белку» к месту сбора образцов.

– И все же сонар должен работать, чтобы можно было использовать автопилот для считывания рельефа дна. Включай давай.

Майкл Шаффер поднял на Джонаса красные глаза:

– Пожалуйста.

Поколебавшись, Джонас повернул тумблер на панели управления, включив гидролокатор.

Послышался низкочастотный сигнал, неприятно отозвавшийся в его натянутых нервах.

Бездна Челленджера

Не в силах плыть вперед, с тем чтобы в рот попадало достаточное количество воды, самка мегалодона, задыхаясь в холодном поверхностном слое, принялась погружаться головой вниз в океанскую толщу. Она нырнула на три тысячи футов, судорожно разевая пасть: внезапного притока океанской воды было по-прежнему недостаточно для нормальной работы жабр.

Достигнув гидротермального источника, самка, глотая серу и минералы, погрузилась в реку бурлящей сажи. Токсины вызвали рефлекс спастической отрыжки, в результате чего организм отрыгнул токсины вместе с желудком, который выскочил изо рта, точно розовый воздушный шарик.

Оказавшись в Бездне Челленджера, самка заглотнула желудок обратно. Вода снова прошла через пищевод, причем на сей раз жабры работали исправно, поглощая кислород. Теплые воды впадины разогрели кровь, заставляя наполовину замерзшие мышцы работать.

Восстановив жизненные силы, самка мегалодона позволила подхватить себя восточному течению, понесшему ее по глубоководному желобу.

На борту «Максин D»

Дик Даниельсон вошел в радиорубку; вид у него был весьма бледный, голова раскалывалась от беспрерывной качки. Он надел взятые у радиста наушники, чувствуя, как пустой желудок завязывается узлом.

– Даниельсон. Мистер Лейффер, надеюсь, это действительно нечто важное.

– Сэр, у нас… чрезвычайное происшествие. Даже не знаю, как объяснить.

– Черт бы тебя побрал, Лейффер! Просто скажи, что случилось.

– Дело касается контр-адмирала Куерсио и коммандера Макрейдса.

Даниельсон закрыл глаза:

– Продолжай.

– Мак… он повез адмирала и всю компанию в Меризо на борту «Си кинга».

– В разгар тайфуна?

– Адмирал оказался очень настойчив. Так или иначе, адмирала должны были обслужить на борту вертолета две местные девицы. Очевидно, возникли разногласия из-за оплаты оказанных услуг. Адмирал отказался утрясти вопрос, и женщины выкинули его одежду в грузовой люк.

– Господь всемогущий!

– Хуже того. Мак приземлился на военно-воздушной базе Андерсен… в разгар церемонии чествования губернатора. А адмирал… был в чем мать родила, сэр.

– Боже мой!

– Это еще не все. Местные телевизионщики снимали репортаж о метеорологических условиях на летном поле и успели сделать несколько любопытных снимков, прежде чем военная полиция очистила территорию. Сэр, ситуация дерьмовая. Как только погода наладится, адмирал Гордон лично прилетит для проведения расследования.

– А где Макрейдс?

– Его задержали на базе Андерсен для допроса. Слава богу, из-за плохой погоды массмедиа остались в стороне.

– Лейффер, а теперь слушай меня внимательно. Я хочу, чтобы ты тщательно проверил личные вещи Макрейдса. Постарайся изъять все, что может бросить тень на кого-либо из офицеров, и сложи это в моем кабинете.

– Сэр, а разве это не будет считаться манипуляцией с вещественными доказательствами?

– Вот потому-то я и хочу, чтобы ты все подчистил. Во избежание чьих-либо манипуляций! Даниельсон вне игры.

На борту «Си клифа»

Его веки были налиты свинцовой тяжестью, мозг периодически отключался, заставляя балансировать на грани между сознанием и беспамятством. Голоса двух ученых превратились в глухое ритмичное песнопение, а подводный аппарат – в гамак.

Джонас откинул голову на изголовье, в очередной раз задремав на три-четыре минуты, – такой мучительный сон урывками действовал раздражающе, тело буквально требовало быстрого сна.

Совершенно неожиданно мощный выброс из гидротермального источника поднял «Си клиф» на пятьдесят футов вверх, опрокинув на левый борт.

Моментально очнувшийся Джонас, не обращая внимания на лежавших вповалку на мониторе гидролокатора ученых, принялся яростно стучать по клавишам управления. Несколько коротких вспышек – и сфера внезапно погрузилась во тьму. Блэкаут продолжался до тех пор, пока не включились запасные аккумуляторы и глубоководный аппарат не пришел в состояние равновесия.

– Черт бы тебя побрал, Джонас! Не смей спать!

– Ричард, скажи это моему мозгу.

Доктор Шаффер обследовал поврежденный монитор гидролокатора:

– Похоже, наша «Летающая белка» летит вслепую. И что теперь?

Доктор Престис, проверив средства управления роботом, с помощью его передней камеры сделал крупный план морского дна:

– Мы уже загрузили семьдесят два фунта марганцевых конкреций. Предлагаю на этом закончить и считать нашу миссию выполненной.

Идея явно не пришлась по вкусу его коллеге.

– Вашингтон хочет получить образцы по крайней мере с трех участков морского дна.

– Майкл, ну и что прикажешь делать? Без гидролокатора наша «Белка» может с ходу вмазаться в «черный курильщик». Нет, я соберу все образцы в поле видимости, а затем мы извлечем «Белку»… если, конечно, наш пилот сумеет продержаться и не заснуть.

– Джонас! – Шаффер потряс пилота за плечо.

Джонас открыл глаза, лицо геолога казалось расплывчатым пятном.

– А где Мэгги?

– Кто-кто?

– Моя жена. Я оставил ее на пляже с Бадом незадолго до того, как на берег обрушилась волна.

Шаффер, переглянувшись с Престисом, покачал головой:

– Похоже, он совсем кукукнулся. Может, стоит вернуть «Белку» прямо сейчас?

Джонас, пристегнутый ремнем, так сильно наклонился вперед, что его лицо оказалось буквально в нескольких дюймах от смотрового окна в полу. Прожекторы «Си клифа» были направлены на гидротермальный источник; они окутывали призрачным светом бурлящую сажу, словно полная луна, скрытая облаками. Время от времени муть оседала, позволяя огням освещать черные глубины Ущелья дьявола.

Джонас проследил глазами луч света, разрезавший гидротермальную струю, и обнаружил какое-то странное движение. Что-то кружило в теплом слое на сто футов ниже «Си клифа» – что-то призрачно-белое и огромное, словно междугородний автобус.

Бездна Челленджера

Течение несло обессиленного мегалодона по впадине. Неожиданно его органы чувств уловили вибрации, явно идущие от другого существа.

Нацелившись на реверберации, акула изменила курс и принялась осторожно подниматься.

Гидротермальный источник призывно мерцал, испуская яркое свечение, словно стая каракатиц. Невидимая жертва мегалодона зависла прямо над куполом насыщенной минералами горячей воды.

Большая акула колебалась. Организм требовал пропитания, но последняя вылазка в холодные воды едва не убила ее.

Слой сажи сгустился, поглотив свет.

И сразу сработал хищнический инстинкт – существо исчезало.

Завороженная звуком работающих винтов «Си клифа», акула рискнула еще раз покинуть гидротермальный слой, чтобы ринуться в атаку.

Глава 8

На борту «Си клифа»

Джонас потер глаза, завороженно глядя на странное свечение. Сердце пилота бешено забилось, когда белая дымка трансформировалась в треугольную голову с гигантскими челюстями, похожими на гаражные ворота.

То была большая белая акула, призрачно-белая, размером вдвое больше «Си клифа».

Зубы, язык, розовая щель жабр, неожиданно заполнили все пространство смотрового окна под ногами, сигнальный огонь подводного аппарата освещал чудовищную глотку акулы.

Джонас моментально почувствовал выброс адреналина, будто ему вкололи ударную дозу кофеина. Ответом на раздражение нейронов стала примитивная реакция по типу «беги или сражайся», свойственная первобытному человеку. Стремительно рванув красный рычаг аварийного всплытия, Джонас едва не выдернул его из гнезда, когда чудовищные челюсти сжались на платформе для запуска робота, оторвав металлическую решетку от корпуса «Си клифа».

Сбросив двенадцать процентов массы, 58 000-фунтовый глубоководный аппарат начал быстро подниматься к поверхности, подальше от кошмарной головы. Дюжина пятисотфунтовых стальных пластин скатилась по морде ошеломленного мегалодона и, отскочив от грудных плавников, исчезла в облаках горячей минерализованной воды.

Джонас покатился кубарем и, вылетев из ремней безопасности, оказался в эпицентре чудовищного хаоса: громких проклятий, пронзительных сигналов тревоги, глухих ударов сталкивающихся тел. Глаза застлала алая дымка.

Барабанные перепонки лопнули, звуки исчезли.

Должно быть, закоротило запасной аккумулятор… произошла разгерметизация… звуковые колебания в ушах – это титановая сфера… мы теряем внутреннее давление… утечка воздуха из резервуаров… компенсировать путем заполнения кабины сжатым воздухом, пока нас не раздавило.

Джонас с трудом поднялся в полной темноте и попытался сориентироваться, слепо шаря руками по выпуклому потолку. Перешагнув через чье-то обмякшее тело, он нащупал клапан, мысли метались и путались.

Это что, очередной ночной кошмар или реальность? На реальность не слишком похоже…

Он открыл клапан, и в кабину вместе с потоком воды хлынул свежий воздух.

Джонас издал предсмертный крик, но гидроудара не последовало.

Просто конденсат… не морская вода.

Темнота стенала, покрывая его теплыми каплями ила. Один из ученых истекал кровью, другой выкрикивал имя Джонаса, осыпая его проклятиями.

На борту «Толмена»

Пол Агрикола в сердцах выругался, когда с экрана гидролокатора исчезла яркая точка.

– Какого черта здесь творится?! Мы были так близко, и вот она куда-то делась.

– Сэр, гидролокатор засек еще один объект. И он быстро поднимается.

– Он вернулся! Дуг, займись «Си бэт I». Луис…

– Сэр, это не мегалодон.

– Что значит – не мегалодон? Другое существо? И какого оно размера?

– Вдвое меньше акулы, только это не животное, а глубоководный аппарат. Я слышу шум моторов. Он на расстоянии двадцати восьми тысяч пятисот пятидесяти футов и очень быстро поднимается.

Пол Агрикола посмотрел на своего друга Лукаса Хейтмана. Капитан «Толмена» был явно потрясен.

– Так вот почему военно-морской флот здесь. Они ныряют в Бездну Челленджера.

– Дуг, поднимай «Си бэт». Думаю, самое время повернуть на юг, чтобы убежать от шторма.

На борту «Си клифа»

Восемь тысяч футов, и у них кончался воздух.

Джонас не видел, как крутилась титановая сфера, но нутром чувствовал воздействие головокружения. Он упал на колени, его вырвало. Затем попытался вдохнуть, разевая рот, точно выброшенная на сушу рыба. Сфера как будто стала его черепом, нечеловеческая тяжесть давила на мозг, расплющивала легкие. Джонас, скрючившись в позе эмбриона, тщетно ловил ртом воздух, под бок подкатилась какая-то бутылка.

Бутылка с водой? Прикрепленная к куску резины… резиновая маска?

Резервный баллон с воздухом!

Надев на лицо этот подарок судьбы, Джонас открыл клапан и вдохнул.

На борту «Максин D»

Море уже бушевало вовсю, когда капитан Ричард Даниельсон вошел в командный пункт, погруженный в мрачные раздумья о далеко идущих последствиях своих действий.

– Что там внизу случилось? С чего вдруг экстренное всплытие?

– Сэр, мы не в курсе. Коммандер Тейлор не отвечает, но они поднимаются очень быстро… слишком быстро, сэр.

– Известите доктора Хеллера. Пусть приготовит барокамеру. Каково ориентировочное время всплытия подводного аппарата?

– Десять минут.

– Пусть команда ныряльщиков соберется на палубе.

Старшина 2-го класса Густав Марен, пристегнувшись к кормовому лееру, старался выдержать натиск двадцатифутовых волн, швырявших «Максин D», словно на аттракционе в парке развлечений. Прошло шесть недель со времени последней секретной встречи Марена с Бенедиктом Сингером и пять недель с

момента электронного перевода денег миллиардера на счет старшины в швейцарском банке. Десять тысяч, конечно, были авансом, настоящие деньги поступят тогда, когда Марен передаст миллиардеру камень.

Не камень, придурок. Марганцевую конкрецию.

Густава Марена не слишком интересовали камни, или марганец, или вообще что-либо, связанное с океаном, но он очень гордился тем, что его четырнадцатилетний сын был экспертом во всех этих вопросах. Первый в классе и с таким высоким коэффициентом умственного развития, который вряд ли можно было проследить на генеалогическом древе семейства Марен.

Гус делал это для Майкла.

Мысли о деньгах непрерывно крутились в голове старшины Марена. Да, он делал это для Майкла, хотя, если честно, мальчик и так уже начал получать предложения от учебных заведений, входящих в Лигу плюща. Стипендия помогла бы Гусу сэкономить деньги на образование единственного ребенка, а доход от этой мелкой кражи – выплатить ипотеку и, возможно, купить новую машину.

Ныряльщики махали руками в бушующем море. Подводный аппарат поднимался. Столб пузырьков, шапка пены – и вот он уже качается на волнах, будто пьяный кит; ныряльщики, бросая вызов тайфуну «Мариан», пытались его поймать.

Наконец стропы были закреплены, лебедка на А-раме начала поднимать «Си клиф» над поверхностью Тихого океана как раз в тот момент, когда разверзлись свинцовые штормовые облака и начался проливной дождь. На палубе появился Даниельсон. Он явно чувствовал, что выглядит в глазах команды форменным дураком, лицо его казалось пепельным. Тейлор, пилот «Си клифа», был общим любимцем. И все, естественно, предвидели несчастный случай или то, свидетелями чего они сейчас являлись.

Подводный аппарат раскачивался в сумрачной мгле, палубные огни высветили струи дождя… и кое-что еще.

От «Си клифа» тянулся трос, который натягивало что-то тяжелое, пока еще скрытое под водой.

Даниельсон похлопал ладонью по штормовке Густава:

– Когда «Си клиф» будет в безопасности, я хочу, чтобы твоя команда вытащила робота! Проследи за этим, моряк!

– Есть, сэр.

Густав дождался, когда стеклопластиковый корпус коснулся палубы, а затем обследовал трос «Летающей белки» до стыковочной платформы, расположенной между салазками «Си клифа».

Господи, что с ними случилось?

Подсвечивая себе фонариком, Густав нашел наружные рычаги управления и попытался включить лебедку на подъем, но питания не было.

– Уисмер, Бек! Нам понадобятся портативные генераторы и кабель.

Подняв глаза, Марен увидел, что люк «Си клифа» открыли. Секундой позже оттуда извлекли седого ученого, доктора Престиса. Затем вытащили мертвое тело, белое лицо было в крови, натекшей из раны на голове.

Третьим оказался Тейлор. Их с Престисом тут же повели в лазарет на нижней палубе, оставив Густава с командой заниматься «Летающей белкой».

Джонас отрыл глаза: в зрачки поочередно светил яркий луч, суставы пронзала острая боль, в ушах звучал снисходительный голос доктора Фрэнка Хеллера:

– Шаффер мертв. У Престиса минут десять назад, похоже, случился инсульт. Но прежде чем его хватил удар, он успел сказать мне, что ты растерялся там, внизу, и твои действия подвергли опасности команду и сорвали выполнение задания. Он сказал, ты включил систему аварийного всплытия, что привело к разгерметизации аппарата.

Джонас покачал головой, боль становилась непереносимой.

– Нас атаковала акула. Большая, как дом, призрачно-белая.

– Акула? Так вот какое ты нашел оправдание? Тейлор, во впадине нет акул. Это плод твоего больного воображения. – Хеллер махнул двум санитарам. – Тащите его в барокамеру.

Дождавшись, когда подчиненные уйдут, Густав Марен повернулся к корзине с образцами. Крышка была запечатана, камни находились внутри перфорированного стального ящика именно в том порядке, в каком их затянуло вакуумной помпой.

Лежа на качающейся палубе, Марен отсоединил насос и засунул руку по плечо во всасывающий рукав. Нащупал конкрецию, ее твердая мокрая поверхность была покрыта илистой жижей. Подростком Густав аналогичным способом крал банки содовой из автоматов, однако его криминальной карьере пришел конец, когда в один прекрасный день ему зажало автоматом руку.

Марен на секунду запаниковал, когда палуба ушла из-под ног и тяжелая корзина сдавила запястье в рукаве насоса, но затем корабль, слава богу, качнуло в другую сторону, и Густаву удалось вытащить каменюгу размером с ананас.

Он успел сунуть камень в карман куртки как раз в тот момент, когда его команда вернулась с переносным генератором.

– Акула?

Фрэнк Хеллер кивнул Даниельсону из-за письменного стола, лицо доктора было багровым от злости.

– А акула могла повредить подводный аппарат?

– Очнись, Даниельсон, не было никакой акулы. Это наверняка плод воображения Тейлора. Так называемая аберрация сознания под влиянием глубины. Престис сказал, Джонас утратил контроль над ситуацией. – Хеллер отпер ящик стола,

вытащил бутылку виски и кивнул своему другу.

– Нет. И тебе не советую.

– Оставь свой начальственный тон! Мы не должны были разрешать ему спускаться на глубину, он был явно не готов к выполнению задания. А двое ученых… Они были моими друзьями. Престис явно не переживет эту ночь. Что я скажу жене Шаффера и его детям?

– А что там с Тейлором? Как ему удалось выжить?

– Похоже, нашел резервный баллон, прежде чем закончился воздух.

– Итак, он стал виновником аварии, но умудрился обмануть смерть.

– Я признал его годным для погружения.

– Ты также являешься свидетелем слов Престиса относительно того, что произошло внизу. Аберрация под влиянием глубины? Тейлора учили справляться с такими вещами, и он облажался.

– Нам следовало послать дублера.

– Тейлор не позволил бы. Сказал, Ройстон не готов. Это его вина, не наша. – Налив себе виски, Даниельсон залпом выпил обжигающую жидкость. – Фрэнк, будет расследование. Тейлор может распрощаться с карьерой гидронавта. Как военный моряк, он подавал большие надежды, но не судьба. И теперь ему самое место на гражданке. Мы с тобой – карьерные военные и целиком посвятили себя службе. Неужели ты хочешь все потерять из-за того, что какая-то рок-звезда задохнулась от слишком высокого давления?

– Капитан, у нас у всех руки в крови. – Глотнув виски, Хеллер закупорил бутылку. – Престис сказал, Тейлор потерял контроль над ситуацией. И я это подтвержу. Я также расскажу, что Тейлор говорил, будто он лучше справится с погружением, чем дублер. Ну как, тебя это устроит?

– Да. Только еще один момент. Рекомендуй направить Тейлора на трехмесячное психиатрическое освидетельствование после увольнения.

– Зачем?

– Для дискредитации. Через много лет, когда он решит написать мемуары, порочащие военно-морской флот, я хочу чтобы весь мир знал: официальная медицина признала Джонаса Тейлора сумасшедшим.

«Максин D» начал движение, его нос вздымался и опускался под напором волн высотой двадцать пять футов, корабль шел к Гуаму наперегонки с тайфуном «Мариан».

Оставшись в одиночестве на палубе, капитан Даниельсон с фонариком в руках пробрался к «Си клифу», чтобы осмотреть повреждения до того, как это сделают судомеханики на военно-морской базе.

Волнение раскачивало подводный аппарат, неустойчиво стоявший на раме. Даниельсон посветил фонариком на искореженные салазки, обследуя запасные аккумуляторы и резервуары для сжатого воздуха, один из которых был взорван. Сорокадюймовый кусок особо прочного стеклопластикового корпуса оказался начисто оторван, на его месте зияла огромная дыра.

Какого черта? Кто мог это сделать?

Капитан опустился на колени возле агрегата, луч фонарика высветил внутри искореженного резервуара треугольный белый предмет, который был здесь явно чужеродным. Даниельсон схватил предмет и повертел в руке, заостренные края порезали ладонь.

Даниельсон долго смотрел на странный предмет, дождь смывал кровь с поврежденной руки. Затем капитан спрятал шестидюймовый треугольник под штормовкой и направился к кормовому лееру.

Сдвоенные винты вспенивали темные воды, оставляя за кормой белый след. Воровато оглядевшись по сторонам, Даниельсон выбросил белый зуб мегалодона

в Тихий океан, вернув его законному владельцу.

Эпилог

Медицинский центр ВМС – Сан-Диего, Калифорния

Месяц спустя…

Слушания были сплошным цирком. Адвокат из военно-юридической службы, в сущности, сказал мне, что моя карьера закончена и лучший вариант – согласиться на увольнение с лишением офицерского звания, пенсии и привилегий и пройти трехмесячное психиатрическое обследование. У меня на душе сразу полегчало, когда утром мне сообщили, что вы наконец согласились со мной встретиться. Мне еще повезло, что госпиталь в Сан-Диего. По крайней мере, хоть жена может меня навещать.

– А она это делает?

– Что именно?

– Навещает вас? Прошел месяц. Она появлялась здесь, после того как мужчины в белых костюмах привезли вас сюда?

– Она администратор в ресторане и по выходным очень занята.

– Но есть еще дни с понедельника по пятницу.

– На что вы намекаете? – Джонас Тейлор, лежавший на кожаном диване, приподнялся и посмотрел на психиатра.

Доктор сидел, положив голые ноги на дубовый письменный стол, на унылой белой стене за спиной доктора висели дипломы в рамках и несколько фото военных моряков, ни один из которых даже отдаленно не был похож на психиатра.

– Намекаю? Ни на что я не намекаю. По правде говоря, супругам с позором уволенных офицеров свойственно поначалу дистанцироваться от мужей. То же самое происходит с пьяными водителями, задавившими ни в чем не повинных прохожих. Прощение требует времени.

– Если хотите знать мое мнение, то Мэгги больше расстроена потерей офицерского звания, чем смертью тех двух ученых.

– Ох уж эти женщины… Хотя, собственно, речь идет о вас. Я наблюдаю за вами с самого первого момента вашего поступления в клинику. Вы сердитесь. Вам кажется, будто вас использовали. Вас бросил военно-морской флот, так сказать, ваши товарищи по оружию. Вы чувствуете себя виноватым из-за того, что произошло во время погружения. Вы парень с моральными принципами. Так что нам предстоит над этим серьезно поработать.

– И что все это должно значить?

– А это значит, если вы не способны смириться со смертью, вам не следует становиться ни гробовщиком, ни военным. Ни один нормальный человек не рискнет нырнуть в Марианскую впадину. Те двое «яйцеголовых» прекрасно знали, на что шли, так же как любой солдат знает, чем рискует, когда поступает на военную службу. Примите это. Я бывал в бою и убивал людей. Поганое ощущение обреченности, и все правильные слова, что ты делаешь это во имя Бога и Отечества, не способны залечить рану.

– А что способно?

– Для начала вместо того, чтобы пребывать в унынии, постарайтесь просто помочь незнакомому человеку. Одному из тех, кому повезло меньше, чем вам. Вы сейчас находитесь в госпитале. Как насчет того, чтобы навестить больных? Здесь есть целая палата, где лежат дети с онкологией. Научите их играть в покер. Бог призовет вас на свой суд, когда сочтет нужным. Используйте оставленное вам время, чтобы получить от Него как можно больше

положительных оценок для вашего резюме. И вообще перестаньте вести себя так, будто вы уже получили первое место на всеамериканском конкурсе козлов отпущения. Вам тогда следовало сказать Данельсону и этому его педику Хеллеру, чтобы засунули себе в задницу приказ о погружении.

– Вы не похожи на типичного мозгоправа. Пожалуй, я таких еще не встречал.

Джеймс Макрейдс ухмыльнулся:

– Потому что я, скорее, коучер. Инструктор личностного роста.

– Эй, инструктор, а как так вышло, что тебя нет ни на одной из семейных фотографий на письменном столе?

– Обсудим это в эвакуационном вертолете.

– Эвакуационном вертолете?

– Том, что на крыше. Вечером полетим на нем на игру «Ковбоев».

– А у тебя есть билеты?

– Черт, нет, конечно. Об этом мы подумаем позже. После того, как угоним вертолет.

– Звучит разумно.

И впервые за долгое время Джонас Тейлор улыбнулся. И пошел за своим новым другом и сокамерником угонять вертолет.

Глубоководный террор

Мегалодон

Поздний юрский период – ранний миоцен

Побережье Азиамерики – северная часть палеоконтинента (Тихий океан)

Как только утренний туман начал рассеиваться, они почувствовали, что за ними наблюдают. Шантунгозавры все утро паслись на туманном побережье. Размером более сорока футов от утконосой головы до кончика хвоста, эти рептилии – самые крупные представители семейства гадрозавров – лакомились ламинарией и морскими водорослями, выброшенными на берег приливной волной. Каждые несколько секунд кроткие великаны поднимали голову и прислушивались, словно стадо пугливых оленей, к звукам близлежащего леса. Они настороженно вглядывались в темные заросли, готовые пуститься в бегство при малейших признаках опасности.

А между тем из-за высоких деревьев за стадом следила пара красных змеиных глаз. Тираннозавр, самый крупный и опасный из всех наземных плотоядных животных, возвышался на двадцать два фута над лесной подстилкой. Из чудовищной пасти текла слюна, мускулы дрожали от возбуждения. Хищник не сводил взгляда с двух отбившихся от стада и рискнувших зайти на мелководье утконосых.

С леденящим кровь ревом убийца, круша деревья, выскочил на берег. Его восьмитонная туша вздымала тучи песка, вызывая дрожь земли. Утконосые застыли на месте, а затем, поднявшись на задние лапы, бросились врассыпную.

Два гадрозавра, мирно пасшихся в полосе прибоя, с ужасом смотрели на ощерившего страшные клыки хищника, мощный рык которого заглушал шум прибоя. Загнанные в угол гадрозавры повернулись и нырнули в более глубокие воды. Вытянув длинные шеи и усиленно работая лапами, чтобы держать голову над поверхностью, они поплыли вперед.

Голодный тираннозавр бросился в прибой вслед за добычей. Убийца, не обладавший особой плавучестью, заходил все глубже, фырча и огрызаясь на

приливные волны. Но когда хищник уже практически приблизился к одной из жертв, его когтистые лапы увязли в слое донного ила, чему способствовал чудовищный вес.

Гадрозавры плескались в воде в тридцати футах от него. Непосредственная опасность, похоже, миновала. Но, ускользнув от одного хищника, они вот-вот должны были столкнуться с другим.

Из воды медленно поднялся серый шестифутовый спинной плавник, его невидимый обладатель беззвучно плыл наперерез тираннозавру. Если тираннозавр был самым страшным существом, когда-либо ступавшим по земле, то Carcharodon megalodon по праву считался хозяином морей. Шестьдесят футов в длину, от конусообразной морды до хвостового плавника в форме полумесяца, акула, легко скользя по водной глади, кружила вокруг превосходящей ее по размеру добычи. Мегалодон чувствовал учащенное сердцебиение гадрозавров и более глухой – тук-тук-тук – ритм сердца тираннозавра, и все благодаря ампулам Лоренцини – заполненным слизистым веществом порам в передней части морды, служившим рецепторами электрических импульсов других животных. Чувствительные нервные клетки в боковой линии регистрировали малейшие колебания воды, а направленные ноздри улавливали запах пота и мочи, выделяемые предполагаемой жертвой.

Два гадрозавра замерли, парализованные страхом. Они нервно следили за приближением невидимого существа, гигантская туша которого создавала чудовищный водоворот, затягивавший несчастных рептилий все дальше на глубину. Запаниковав, гадрозавры повернули обратно к берегу. Вспенивая лапами воду, утконосые выбрались на мелководье, где наконец почувствовали под собой илистое дно. Тираннозавр, стоявший в воде по грудь, издал оглушительный рык, но ни на йоту не сдвинулся с места, окончательно увязнув в топкой тине.

Утконосые, оказавшись в опасной близости от чудовищных челюстей хищника, неожиданно нарушили строй и бросились в разные стороны. Тираннозавр, в бессильной злобе щелкая зубами, попытался схватить ускользающую добычу. Однако гадрозавры, подхваченные волной, благополучно выбрались на берег и там в изнеможении рухнули на песок.

Между тем тираннозавр продолжал тонуть. Его гигантская голова теперь была всего в нескольких футах над поверхностью. Вне себя от ярости, он лихорадочно

бил хвостом, пытаясь освободить задние лапы. Но внезапно остановился и уставился на неспокойное море.

Из темной воды показался огромный спинной плавник, который, разрезая туман, медленно, но верно приближался.

Тираннозавр вытянул шею и замер, инстинкт подсказал ему, что он оказался на территории превосходящего по силе охотника.

Пленник почувствовал, что еще немного – и его унесет течением, образовавшимся вследствие циркуляции под воздействием тридцатитонной массы. Красные глаза тираннозавра неотступно следили за серым плавником до тех пор, пока тот не исчез под мутной водой.

Тираннозавр глухо зарычал, вглядываясь в тусклую дымку. Наклонившись вперед, он сумел высвободить сперва одну мускулистую заднюю лапу, затем – вторую.

Гадрозавры, отдыхавшие на берегу, моментально насторожились и отпрянули…

… когда из тумана снова возник огромный спинной плавник, быстро продвигавшийся в сторону тираннозавра.

Вызов был принят. Тираннозавр, издавая угрожающий рык, злобно щелкал челюстями.

Гигантская волна неумолимо надвигалась, спинной плавник поднимался все выше и выше. Прятавшийся под водой незримый убийца широко разинул пасть и легко перекусил посередине мягкое туловище тираннозавра, совсем как грузовой поезд, разрезающий пополам застрявший на путях внедорожник.

Тираннозавр рухнул навзничь в море, из пробитых легких вырвалось булькающее дыхание, изо рта фонтаном брызнула кровь, и уже через секунду его голова исчезла под водой.

Вжик! Когда раненый гигант попытался всплыть, его грудную клетку расплющили мощные челюсти по-прежнему невидимого убийцы, и тираннозавр

начал давиться собственными внутренностями.

И вот наконец грозный хозяин суши исчез в возникшей воронке алой воды.

Гадрозавры внимательно наблюдали за разворачивающейся драмой. Обмочившись от страха, они ждали, не появится ли вновь их преследователь. Несколько мучительно долгих минут море оставалось спокойным. Стряхнув наваждение от представшей перед их глазами страшной битвы, утконосые поспешно заковыляли в сторону деревьев, чтобы примкнуть к стаду.

И тут океан будто взорвался, и гадрозавры удивленно обернулись. Акула длиной шестьдесят футов, выпрыгнув из воды, старалась удержаться на гребне волны. Огромная голова и верхняя часть туловища дрожали от напряжения, стальные челюсти сжимали растерзанные останки жертвы. Словно для демонстрации своей несравненной мощи, мегалодон мотал убитого тираннозавра из стороны в стороны, разламывая острыми как бритва семидюймовыми зубами хрящи и кости. Клочья розовой пены летели во все стороны.

Ни один падальщик не посмел приблизиться к мегалодону во время его кровавой трапезы. У мега не было ни подруги, чтобы разделить с ним добычу, ни потомства, нуждающегося в пропитании. Безжалостный охотник, защищающий свою территорию, мегалодон спаривался, когда того требовали инстинкты, а потом по возможности убивал молодь, поскольку единственная угроза его безраздельному владычеству исходила от представителей того же вида. Чудо природы, возникшее за сотни миллионов лет эволюции, мегалодон сумеет, благодаря механизму адаптации, пережить природные катастрофы и климатические изменения, повлекшие за собой исчезновение гигантских рептилий и доисторических млекопитающих. И хотя численность популяции мегалодона со временем сократилась, некоторые представители этого вида, обитающие в вечной темноте неизведанных океанских глубин, вдали от мира людей, сумели уцелеть…

Профессор

8 ноября, 17:42

Скриппсовский океанографический институт, аудитория Андерсона

Ла-Холья, Калифорния

Джонас Тейлор остановил проектор, когда выведенная на экран картинка с мегалодоном, пожирающим тираннозавра, начала размываться. Зажегся верхний свет, что позволило тридцатисемилетнему палеобиологу рассмотреть присутствовавших – человек пятьдесят, не больше – в полупустой аудитории.

– Надеюсь, вы получили удовольствие от нашей маленькой «битвы титанов». Для информации, Tyrannosaurus rex и Carcharodon megalodon обитали на нашей планете в различные времена. Тираннозавры, жившие в позднем меловом периоде, вымерли примерно шестьдесят пять миллионов лет тому назад после столкновения Земли с гигантским астероидом. Царствование мегалодона началось в эпоху миоцена, примерно на тридцать пять миллионов лет позднее, и продолжалось вплоть до появления первобытного человека. Но во всем остальном представленные кадры вполне достоверны. Мегалодон, доисторический родственник большой белой акулы, был реальным чудовищем: длиной от пятидесяти до семидесяти футов, массой почти семьдесят тысяч фунтов, с головой величиной с пикап «додж рэм» и пастью, способной разом заглотить полдюжины взрослых мужчин. Ну и наконец, следует сказать о его зубах – острых как бритва семидюймовых зубах с зазубренными краями, как у мясницкого ножа.

Бывший пилот глубоководного аппарата ослабил воротник и сделал глубокий вдох, отлично понимая, что зацепил аудиторию. Читать лекцию для такой малочисленной группы было, конечно, немножко обидно. Джонас знал, что его теории достаточно спорны и среди присутствующих оппонентов у него не меньше, чем сторонников.

Но главное, чтобы его услышали и чтобы он снова почувствовал свою значимость…

– Окаменелые зубы мегалодона, обнаруженные в различных частях света, свидетельствуют о том, что этот вид доминировал в океанах на протяжении чуть ли не всех последних тридцати миллионов лет. Некоторые эксперты считают, что этот вид погиб во время последнего ледникового периода. Другие же обнаружили зубы, датируемые всего лишь сотней тысяч лет. В масштабах геологической истории Земли это можно считать перемещением секундной стрелки часов буквально на одно деление, а потому наши два вида вполне могли существовать в одно и то же время. Хотя, естественно, возникает вопрос, почему самый опасный хищник в истории Земли все-таки вымер? Ведь если большой белой акуле удалось пережить последний ледниковый период, то почему этого не смог сделать ее доисторический родственник? – Джонас еще больше ослабил воротничок рубашки. Он редко носил костюмы, и старый шерстяной пиджак, купленный восемь лет назад, был жутко кусачим. – Те из вас, кто прочел мою книгу, явно в курсе того, что моя точка зрения не совпадает с мнением большинства палеобиологов. Специалисты в моей области, как правило, занимаются тем, что подводят научную базу под теорию вымирания конкретных видов, тогда как я в своих исследованиях пытаюсь установить, каким образом отдельные представители этих исчезнувших видов могли все-таки выжить.

Широкоплечий мужчина лет пятидесяти пяти поднялся со своего места в переднем ряду, явно желая быть услышанным. Джонас Тейлор узнал Ли Аделсмана. Бывший коллега по Скриппсовскому институту стал его самым ярым критиком.

– Профессор Тейлор, я потратил на вашу книгу двадцать девять долларов девяносто пять центов и прочел ее от корки до корки. После чего у меня сложилось стойкое ощущение, что вы искренне верите, будто Carcharodon megalodon, возможно, до сих пор бороздит океанские просторы. Это так?

Аудитория зашушукалась в ожидании ответа на вопрос ребром.

Джонас внутренне собрался. Осторожнее. Неверно истолкованная фраза погубит твою репутацию, не говоря уже о продажах книги.

– Верю ли я, что многочисленные мегалодоны до сих пор могут бороздить океанские просторы? Конечно нет, профессор Аделсман. Я просто хочу подчеркнуть, что мы, ученые, объявляя некоторые виды морских животных вымершими, частенько демонстрируем некую близорукость. Получается, если мы этих животных не видели, значит их больше не существует. Так, например, в свое время палеонтологи единодушно согласились с тем, что целаканты, кистеперые рыбы, водившиеся в океанах триста миллионов лет назад, вымерли за последние семьдесят миллионов лет. Но в тысяча девятьсот тридцать восьмом году рыбаки поймали у побережья Южной Африки живого целаканта, что сразу опровергло, казалось бы, бесспорные выводы ученого сообщества. И теперь ученые занимаются рутинными исследованиями этих «живых ископаемых» в естественной среде обитания.

Однако Ли Аделсмана было не так-то легко сбить с выбранной позиции.

– Профессор Тейлор, мы все знакомы с историей обнаружения целаканта. Но полагаю, вы согласитесь, что существует большая разница между пятифутовой придонной рыбой и шестидесятифутовой хищной акулой.

Джонас посмотрел на часы. Он явно выбивался из графика.

– Да, совершенно с вами согласен. Однако для меня предпочтительнее исследовать возможности выживания отдельных особей, нежели строить необоснованные гипотезы относительно вымирания некоторых морских обитателей. Мне постоянно приходится слышать критику, основанную на том, что, дескать, если мегалодон до сих пор жив, то почему его никто никогда не видел или почему хотя бы его мертвое тело ни разу не выносило на сушу. Но подобные упреки смехотворны. Во-первых, океан – это огромное пространство, и акулам нет смысла всплывать на поверхность, чтобы продемонстрировать проходящему мимо судну свой пресловутый спинной плавник. Что касается вынесенных на берег останков мега, общеизвестно, что вследствие физиологических особенностей мертвые акулы не всплывают, а сразу тонут. Другие хищники пожирают их мясо, а хрящи растворяются в морской воде. Остаются лишь зубы животного, которые похоронены на дне океана.

– Согласен. Но, профессор Тейлор, вы все-таки не ответили на мой вопрос. Вы действительно верите, будто мегалодон до сих пор существует?

Аудитория зааплодировала.

Джонас бросил взгляд на часы. Опаздываю на десять минут… Мэгги наверняка уже писает кипятком. Подкинуть Аделсману провокационную идею, подписать несколько книг и считать, что все прошло на ура.

– Да, профессор, со строго научных позиций я считаю, что это возможно. Насколько нам известно, киты – основные источники питания мегалодона – водились в изобилии и после окончания последней ледниковой эпохи, поэтому еды было достаточно. Относительно влияния низких температур на этот вид я могу сказать следующее. Всем известно, что анатомия крупных акул типа большой белой позволяет их внутренним органам генерировать тепло. Мускулы мегалодона способны перекачивать большие объемы теплой крови к поверхности тела за счет так называемой гигантотермии, механизм которой позволяет животному адаптироваться к низким температурам. Остается вопрос: что случилось? Нет сомнений в том, что имела место массовая гибель популяции этих животных. По моему мнению, царствованию мегалодона в течение тридцати миллионов лет положили конец киты-убийцы. Стаи косаток, насчитывающие от двадцати до сорока взрослых особей, истребляли молодь акул, размножавшихся на мелководье. Со временем вымерли и взрослые особи, и этот вид оказался на грани полного исчезновения.

Однако бывший коллега явно не желал закрывать тему, тем самым превращая вечер Джонаса в шоу для двоих.

– Тейлор, вы сами себе противоречите. Вы ведь только что сказали, что мегалодон, возможно, сумел выжить.

– Все верно. Драматическое истребление популяции отнюдь не означает полного исчезновения отдельных особей. Косатки свирепствуют на мелководье, однако не могут обитать в средних слоях океана, уже не говоря об абиссали. До тысяча девятьсот семьдесят седьмого года многие ученые – в том числе, конечно, и вы – считали абиссаль абсолютно бесплодной зоной. Ведь разве может существовать жизнь без света… без фотосинтеза? Но когда мы взяли себе за труд присмотреться чуть повнимательнее, то обнаружили гидротермальные источники – миниатюрные вулканы, производящие животворные химические вещества и выбрасывающие насыщенные минералами струи воды температурой более семисот градусов Фаренгейта. В некоторых случаях эти минералы оседают на морском дне на площади около полумили, создавая своего рода

теплоизоляционный слой и формируя то, что мы теперь называем гидротермальным источником. В сущности, мы имеем дело с природной аномалией, тропическим оазисом жизни на дне океана, отделенным от поверхности слоями холодной воды. Эти гидротермальные источники и выбрасываемые ими минералы дают начало длинным хемосинтетическим пищевым цепям, на конце которых могут находиться и подвиды мегалодона.

С места поднялась какая-то женщина средних лет, ее подросток-сын беспокойно ерзал на соседнем стуле.

– Вам будет приятно узнать, что мой сын Брэндон полностью согласен с вашей теорией существования мегалодона. И все же мне, как учителю морской биологии в средней школе, хотелось бы знать, имеются ли у вас хоть какие-нибудь доказательства того, что эти чудовищные акулы обитают в абиссали.

Джонас, вымученно улыбаясь, выждал, пока стихнут аплодисменты.

– Мэм, позвольте показать вам нечто такое, что было обнаружено в абиссали более ста лет назад. – Он достал с полки внутри кафедры большой стеклянный ящик, в котором покоился треугольный серый зуб размером с мужскую ладонь. – Это окаменелый зуб Carcharodon megalodon. Аквалангисты и бродяги, промышляющие на пляже, находят тысячи подобных зубов. Возраст некоторых из них составляет десятки миллионов лет. Но именно этот конкретный экземпляр можно назвать особенным, поскольку он значительно моложе. Он был обнаружен в тысяча восемьсот семьдесят третьем году первым в мире настоящим научно-исследовательским океанологическим судном «Челленджер» – кораблем королевских военно-морских сил Великобритании. Видите эти марганцевые отложения? – Джонас показал на черные наросты на зубе. – Последние анализы марганцевых осадков показали, что обладатель этого зуба жил в конце плейстоцена или в начале голоцена. Иными словами, возраст зуба – всего лишь десять тысяч лет, причем обнаружен он был в самом глубоком месте нашей планеты, а именно в Бездне Челленджера, находящейся в Марианской впадине.

Подросток сжал руку в кулак:

– Ха! Мам, а я тебе что говорил! С тебя двадцать баксов.

Джонас поднял руку, пытаясь утихомирить расшумевшуюся публику, и перевел взгляд на молодую – слегка за тридцать, – красивую загорелую блондинку, осторожно пробирающуюся в туфлях на шпильке по центральному проходу. На блондинке было темно-желтое вечернее платье, облегавшее безупречную фигуру. За ней шел мужчина – тоже слегка за тридцать, – его длинные черные волосы были стянуты в хвост, что немного не вязалось с консервативным смокингом.

Тейлор подождал, пока его жена и его друг не усядутся во втором ряду.

– Будьте добры, если вы дадите мне еще минуту, я постараюсь объяснить свою теорию, которая подробно изложена в моей новой книге, а потом, с вашего позволения, мне придется закруглиться. – (В зале воцарилась тишина.) – После последней ледниковой эпохи, два миллиона лет тому назад, детеныши мегалодона, обитавшие на мелководье вблизи Марианских островов, вполне могли переместиться в более глубокие слои океана, чтобы избежать нападения полчищ китов-убийц. Оказавшись в Марианской впадине, эти молодые акулы, вероятно, обнаружили там наличие теплых придонных вод, подогреваемых гидротермальными источниками. Учитывая новые возможности, детеныши мегалодона, возможно, предпочли остаться на глубине, тем самым положив начало возникновению нового поколения глубоководных монстров. Ученые могут соглашаться или не соглашаться с моей теорией, однако без проведения серьезного научного исследования, а именно экспедиции в Марианскую впадину, любой ответ останется всего-навсего бесполезной гипотезой.

– Вздор! – выкрикнул со своего места в десятом ряду популярный ведущий ток-шоу на местной радиостанции Майк Турцман по прозвищу Турок, специализирующийся в области криптозоологии. – В Марианской впадине нет никаких гидротермальных источников. Вообще ни одного!

Джонас сокрушенно покачал головой. Он слышал выдержки последнего интервью, взятого Турком у Ричарда Эллиса, художника и самопровозглашенного эксперта по морским вопросам, который в пух и прах разнес исследования Тейлора.

– Мистер Турцман, вы ошибаетесь. В ходе недавних исследований цепи островов в рамках Вулканологической экспедиции была проведена спутниковая радиолокационная съемка с целью изучения Марианской впадины. Ученые обнаружили более пятидесяти подводных вулканов, десять из которых

представляли собой активные гидротермальные системы, которые существенно отличались от тех, что были найдены вдоль Срединно-Атлантического хребта, и, возможно, способствовали возникновению различных экзотических форм жизни. Так что если один из ваших гостей случайно захочет публично раскритиковать мои исследования в радиоэфире, вам явно не помешает предварительно проверить достоверность представленной информации.

Под жидкие аплодисменты Турок сел на свое место.

– Профессор Тейлор, у меня очень важный вопрос…

Джонас обвел глазами зал в поисках обратившейся к нему женщины.

Ею оказалась красивая американка азиатского происхождения лет двадцати с хвостиком. Черные как смоль длинные волосы забраны в тугой узел, белая блузка завязана под грудью, что позволяло увидеть упругий живот, джинсы порваны на коленях, на ногах – туфли от Гуччи на высоком каблуке.

Я откуда-то ее знаю…

– Продолжайте, пожалуйста.

– До того как вы начали изучать этих самых мегалодонов, вы занимались в основном пилотированием глубоководных обитаемых аппаратов. И мне хотелось бы знать, почему вы неожиданно бросили это дело.

Джонаса неприятно удивила прямолинейность вопроса.

– Во-первых, я ничего не бросал, а просто подал в отставку. Во-вторых, это касается только меня. Еще вопросы имеются? – Он огляделся по сторонам в поисках поднятых рук.

– А не слишком ли вы были молоды для отставки? – Азиатская красавица направилась по боковому проходу к кафедре, и все головы тотчас же повернулись в ее сторону. – Или, может, тут было нечто другое? Когда вы в последний раз садились в глубоководный аппарат? Лет семь назад, да? Профессор, у вас что, кишка тонка? Пытливые умы желают знать.

По рядам пробежали смешки. Никто не вышел из зала. Ситуация становилась уже интересной.

У Джонаса внезапно вспотели подмышки.

– Как вас зовут, мисс?

– Танака. Терри Танака. Полагаю, вы знаете моего отца Масао. Он директор Океанографического института Танаки.

– Ну конечно, Танака. На самом деле мне кажется, мы с вами встречались несколько лет назад во время цикла лекций.

– Все верно.

– Ну хорошо, Терри Танака, если ваш пытливый ум так жаждет вторгнуться в мое личное пространство, то я удовлетворю ваше любопытство. Скажем так: после десяти лет службы на флоте я понял, что пора прекращать рисковать жизнью, пилотируя глубоководные аппараты. Поэтому я вернулся в университет с целью получить докторскую степень, чтобы иметь возможность исследовать доисторических животных типа мегалодона. – Джонас собрал свои записи. – Ну а теперь, если вопросов больше не имеется…

– Доктор Тейлор, пожалуйста. – Со своего места в третьем ряду поднялся лысеющий мужчина лет пятидесяти в бифокальных очках и толстовке с эмблемой Калифорнийского университета. – Вы упомянули Марианскую впадину как возможное место обитания выжившего мегалодона. А проводились ли хоть когда-нибудь исследования этой впадины?

– К сожалению, нет. В тысяча девятьсот шестидесятом году были проведены две экспедиции с использованием обитаемых глубоководных аппаратов, но в обоих случаях батискафы просто опустили на дно, а затем подняли на поверхность. Очень важно понимать, насколько глубок этот желоб и как опасно туда спускаться. В сущности, мы говорим о каньоне длиной полторы тысячи миль и шириной более сорока миль, расположенном на глубине семи миль. Одно только давление воды составляет здесь шестнадцать тысяч фунтов на квадратный дюйм. В действительности мы больше знаем о далеких галактиках, чем о ложе наших собственных океанов.

– Метко сказано. И тем не менее, профессор, вы, случайно, не забыли о последних погружениях в Марианскую впадину, в частности в Бездну Челленджера?

Джонас уставился на мужчину, в голове сразу прозвучал сигнал тревоги.

– Простите?

– Да бросьте, профессор! Вы ведь сами несколько раз туда спускались. Если уж быть до конца точным, то семь лет назад. Еще до вашего так называемого увольнения из военно-морского флота.

Джонас почувствовал, как кровь отхлынула от лица. Тем временем толпа немногочисленных слушателей взволнованно загудела.

Мэгги, сидевшая в переднем ряду, нетерпеливо показывала на часы, ее глаза метали молнии.

– Не знаю, откуда вы черпаете вашу информацию, но сейчас у меня другое важное дело и…

– Я черпаю свою информацию из достоверного источника, сообщившего мне, что вы были с позором уволены из военно-морского флота после трехмесячного пребывания в психиатрической больнице. По поводу посттравматического стресса в связи с гибелью двоих гражданских лиц на борту глубоководного обитаемого аппарата… аппарата, который вы пилотировали в Марианской впадине.

– Вы гнусный сукин сын! Это секретная информация!

В аудитории воцарился самый настоящий хаос. Присутствующие выкрикивали вопросы, три фоторепортера бросились вперед, ослепляя Джонаса вспышками камер, а тот тем временем пытался отыскать глазами жену, которая в сопровождении его друга поспешно шла к выходу по центральному проходу.

Джонас, спустившись со сцены, попытался было их догнать, но ему помешали слушатели, все еще выкрикивавшие вопросы, и Майк Турцман, требовавший

ответов. Джонасу, несмотря на отговорки, что он очень спешит, пришлось подписать три книги, затем ему все же удалось протолкнуться к проходу, но уже в дверях аудитории путь ему преградила азиатская красавица.

– Нам нужно поговорить.

– Позвоните моему литературному агенту Кену Этчити. В книге есть его координаты.

Протиснувшись мимо девушки, Джонас выскочил через вестибюль на улицу и, больно стукнувшись коленом, запрыгнул в поджидавший его лимузин.

Мэгги

Лимузин мчался по полуострову Коронадо.

Джонас сидел напротив жены, спиной к водителю, Мэгги – рядом с Бадом Харрисом, бывшим соседом Джонаса по комнате в Пенсильванском университете. Бад завершал по мобильнику какую-то сделку, рассеянно теребя, точно школьница, затянутые в конский хвост волосы. Джонас бросил взгляд в сторону Мэгги.

Мэгги Тейлор явно чувствовала себя как дома на широком кожаном сиденье, в руках она крутила бокал шампанского, стройная загорелая нога небрежно высовывалась из длинного разреза платья.

Дав волю воображению, Джонас представил, как Мэгги в бикини загорает на яхте его друга-миллионера.

– Ты ведь всегда боялась солнца.

– Что?

– Твой загар. Ты вечно твердила, что боишься получить рак кожи.

Мэгги смерила его презрительным взглядом:

– Никогда такого не говорила. А кроме того, загар очень фотогеничен.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Рыцарь Круглого стола короля Артура и один из трех искателей Святого Грааля. – Здесь и далее примеч. перев.

2

Род лучеперых рыб из семейства прилипаловых.

3

Ампулы Лоренцини – орган чувств у некоторых отрядов рыб, отвечающий за электрорецепцию и достигающий наибольшего развития у хрящевых рыб (акул, скатов, химер и т. д.).

4

Цитата из фильма «Волшебник страны Оз».

5

Телеуправляемый необитаемый подводный аппарат (ТНПА) (remotely operated underwater vehicle – ROV) – это подводный аппарат, часто называемый роботом, который управляется оператором или группой операторов (пилот, навигатор и др.) с борта судна. Аппарат связан с судном грузонесущим кабелем, через который на аппарат поступают сигналы дистанционного управления и электропитание, а обратно передаются показания датчиков и видеосигналы.

6

Американская приключенческая комедия 2000 года с элементами анимации.

Купить: https://tellnovel.com/alten_stiv/meg

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити